

Владилен Елеонский

Кто жизни не знает

Записки слушателя советской школы милиции

16+

Владилен Олегович Елеонский

Кто жизни не знает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40688596

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0798-4

Аннотация

Это история про романтического юношу, который поступает в советскую школу милиции, чтобы стать сотрудником уголовного розыска и помогать людям в беде, однако вовсе не успешная учеба приводит в конечном итоге к раскрытию в нем дедуктивных способностей.

Содержание

Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	32
Глава четвертая	41
Глава пятая	51
Глава шестая	59
Глава седьмая	67
Глава восьмая	75
Глава девятая	84
Глава десятая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Выпускникам Шатской высшей школы милиции МВД СССР посвящаю

Все события повести вымышлены, совпадения случайны

ПРОЛОГ

Когда мне исполнилось шестнадцать, отец, с головой занятый на службе, в то время он был заместителем начальника областного управления внутренних дел по оперативной работе, наконец-то, кажется, почувствовал мою острую неуверенность в себе.

– Ходит, локтями углы сшибает! – неодобрительно сказал он мне в спину.

Десятый класс – время выбора профессии, а я не знал, кем стать. Хотелось в театральный институт, однако я был уверен, что у меня нет таланта (здесь уверенность была!), поскольку даже не мог прочитать стихотворение на уроке литературы, – просто вдруг возникала мысль, что сейчас забуду слова, и, в самом деле, сразу забывал.

В общем, все было неопределенно до тех пор, пока не произошел тот памятный случай в фойе моей школы, когда ко мне пристали два страшных парня девятнадцати и семнадцати лет. Они повадились трести мелочь со старшеклассников, и, в конце концов, дошла очередь до меня. Раньше я неоднократно замечал, как они перехватывали ребят из старших классов, висли на них, как голодные злые псы, однако мне и в голову не могло прийти, что они вымогают деньги, которые

родители дали своим чадам на завтраки в школьном буфете.

Не знаю, что на меня нашло. Наверное, все потому, что я даже подумать не мог, что в стране победившего социализма, как торжественно провозглашалось на уроках и с экранов телевизоров, вот так, запросто, среди бела дня, когда ты идешь домой, к тебе могут пристать грабители. Они дерзко цепляются не где-нибудь в темной подворотне, а прямо в фойе твоей родной школы, и никто не в силах тебя защитить. Где ты, милый дядя Степа, великанов великан?

Кто-то из моих одноклассников видел, как прокуренные и проспиртованные парни схватили меня за шиворот куртки, громогласно требуя деньги, однако прошли мимо, решив не связываться. Лишь один, он был старостой нашего класса, слезно попросил отпустить меня, однако его послали куда подальше, и он покорно удалился.

Деньги я давать отказался, меня стали пугать, и я вступил с ними в драку, благо, что как раз в это время стал посещать на стадионе секцию бокса. Было очень страшно, но я переступил черту, и теперь деваться было некуда.

Когда один из грабителей, щуплый и невысокий, повис на мне, я стряхнул его с себя как надоедливый репей. Второй выглядел настоящим детиной.

Он неожиданно ударил сбоку своим кулаком-кувалдой и буквально ошеломил. Затем прилетел еще один удар, не менее сокрушительный, настолько сильный и внезапный, что я не удержался на ногах и сел на пятую точку, однако через

пару секунд нашел в себе силы подняться.

В ответ я стал двигаться и работать кулаками, как меня учили на боксерском ринге. Правда, мои школярские удары не достигали цели, но я заметил главное, – мое сопротивление обескуражило моих противников, и теперь они не знали, что со мной делать. Литые кулаки верзилы перестали попадать мне в лицо, пару раз он промахнулся, и я приободрился. Жуткая поначалу стычка стала напоминать веселую игру.

Если бы драка была короткой, никто не стал бы поднимать шум, однако она затянулась, поэтому кто-то нашел в себе мужество и сообщил о происшествии нашему директору, мудрому грузному высокому седому осетину. Он вышел в фойе и решительно прервал безобразную сцену. Грабители осыпали его ругательствами и спокойно удалились.

Дело, скорее всего, замяли бы, и я не знаю, как после этого ходил бы в школу, если бы мой отец не занимал соответствующую должность, – как я говорил, он курировал работу уголовного розыска и ОБХСС. Когда я с кровоподтеками на лице, явился домой, мама испытала такой шок, как будто избили ее, и сразу позвонила папе. Он немедленно направил меня на медицинское освидетельствование и поднял на ноги оперативные силы.

Грабителей нашли в тот же день, да они и не скрывались, их многие знали. При задержании они вели себя нагло, уверенные, что ничего им не будет (откуда у них была такая убежденность?), и лишь после того, как отец поговорил с ни-

ми с глазу на глаз, омерзительная спесь как-то тихо с них сползла.

Через месяц, опять же благодаря усилиям отца, состоялся суд, на котором мне пришлось давать показания в присутствии грабителей. Я твердо отстаивал свою правоту, – они совершили низкий поступок. В ответ они мямлили что-то невразумительное, стреляя в меня исподтишка волчьими взглядами, и получили по три года колонии, однако разговор не о том.

Я вдруг понял, что кино наше очень оптимистично, и, наверное, это хорошо, однако не совсем приятно чувствовать на глазах розовые очки, которые очень комфортны, но в то же время искажают действительность. Я вдруг явственно ощутил, что наша общественная система вроде бы работает, однако нечто вредоносное подспудно присутствует в ней подобно хроническому холецистититу или ангине в человеческом организме. Слова Глеба Жеглова из «Места встречи изменить нельзя», сказанные им с телеэкрана как раз в то время, что, мол, хитрость, алчность и предательство, как три головы Змея Горыныча, пожирают душу человека, толкая на отвратительные поступки, оставались актуальными, несмотря на то, что по сюжету герой произносил их тридцать лет назад, сразу после окончания Великой Отечественной войны.

Стычка с грабителями стала последней каплей. Я понял, что хочу как Глеб Жеглов быть сотрудником уголовного ро-

зыска и хоть как-то восстанавливать хоть какую-то справедливость. После драки с грабителями мир переменялся. Теперь препятствия, которые до этого казались совершенно непреодолимыми, вдруг стали выглядеть всего лишь барьерами в беге на сто метров на время.

Появилось что-то похожее на спортивный азарт. Спорт я любил, и если бы не мои хронические болячки, то уверен, что получил бы спортивный разряд не только по шахматам.

А судьба, словно требовательный тренер на стадионе, не давала времени на долгие раздумья. После очень странной телеграммы из Москвы отца стали срочно готовить к командировке в Афганистан в качестве советника Царандоя, – местной афганской милиции, спешно организованной по советскому образцу после Саурской (Апрельской) революции.

Мы с мамой погрузились в какое-то сумеречное состояние, поскольку совершенно не представляли, что с ним может произойти за границей. Слухи о том, что в Ташкент прибывают эшелоны, набитые цинковыми гробами, продолжали шириться.

Однако с другой стороны крутой поворот в судьбе отца ускорил принятие мною решения. Когда я объявил его папе, он к моему удивлению попытался меня отговорить, однако я остался непреклонен, и мы стали готовить документы. Прежде всего, следовало пройти медицинскую комиссию.

Окулиста я прошел, поскольку два месяца пристально смотрел на таблицу для проверки зрения, которую мне раз-

добыл отец, до сих пор помню эти строчки «ШБ, МНК, ЫМБШ, БЫНКМ...» и так далее. Споткнулся, однако, я во все не на окулисте, не на ЛОРе и не на гастроэнтерологе, как предполагал, а на психологе. Он, молодой въедливый парень, занявший свою должность совсем недавно, забраковал меня, задав задачку с подвохом.

– Итак, у дуба три ветки, на каждой ветке висят по три яблока, сколько яблок растет на дубе?

Конечно, я сразу обратил внимание на странность фабулы – дуб и яблоки на нем, однако переспросить постеснялся, и, понимая, что здесь какой-то подвох, и самое простое решение является неправильным, тем не менее, брякнул наобум:

– Девять.

Он торжествующе улыбнулся.

– А яблоки на дубе не растут!

Мысленно я послал этого великолепного специалиста куда подальше вместе с его проклятыми яблоками на дубе, однако было поздно. Он с упоением настроил пространное отрицательное заключение.

Когда я благополучно прошел всех остальных врачей, отцу снова пришлось вмешиваться, и я явился к психологу на повторную комиссию. Он задал мне какие-то задачки, две я решил правильно, а третью по подсказке. Перечеркнув свое первоначальное заключение, он с кислой улыбкой на лице размашисто написал «Годеи».

Навалилась, однако, новая напасть. После драки с граби-

телями у меня стала иногда болеть грудь, и мама испугалась, что мое сердце не в порядке. Звезда местной величины, профессор-кардиолог мгновенно диагностировал у меня порок митрального клапана, и никакие дополнительные обследования, которые я проходил с использованием новейшего кардиологического оборудования, а также заключения видных московских хирургов-кардиологов его не переубедили.

Много позже я узнал от двоюродной сестры, она у меня врач, что у нас у всех по материнской линии есть функциональное отклонение этого замечательного клапана. Он повернут не как у всех, а своеобразно, поэтому создает шумы и не сразу закрывает просвет. По этой причине давление девяносто на шестьдесят, которое считается пониженным, у нас держится постоянно и повышается до нормального лишь при физических нагрузках. Подобное отклонение имелось у одного из наших известных космонавтов, тем не менее, врачи допустили его к полету, и пребывание в космосе со всеми связанными с этим перегрузками для него прошло успешно.

Заключение нашего местного светила, едва не поставившего крест на моей карьере и жизни, привело к тому, что я проходил многочисленные обследования, а от выпускных экзаменов в школе меня освободили. Поскольку учился я почти на одни пятерки, мне зачли все экзамены по медицинской справке.

Теперь, когда со здоровьем, все более или менее утряслось, следовало подготовиться к вступительным экзаменам

в Шатскую школу милиции, которая готовила специалистов именно в уголовный розыск, и куда, несмотря на столь драматичные перипетии, ушли мои документы. Так я сделал шаг к миру уголовного розыска, искренне веря, что моя упорная и старательная учеба сделает из меня сыщика, однако в действительности все получилось совсем не так, как я предполагал.

Глава первая

До сих пор помню глаза мамы, полные слез, когда нас, разбив на группы, стали грузить в автобусы. Она как будто провожала меня не на вступительные экзамены в загородный учебный центр, а на фронт. Вся эта процедура несмотря на то, что офицеры, бравшие нас под свою опеку, производили самое благоприятное впечатление и, как могли, успокаивали встревоженных матерей, тем не менее, оказалась тягостной.

Наконец, нас кое-как оторвали от родителей и близких. Они столпились во дворе, а мы смотрели на них из салона автобуса. Заняв сиденье у окна, я увидел несчастное покрасневшее от слез лицо моей дорогой мамочки, и сам едва не прослезился. Многие родители старались улыбаться, выкрикивали какие-то ободряющие слова, а моя мама плакала. Это подспудное чувство отправки на фронт я переживаю до сих пор, хотя с того дня прошло почти сорок лет.

Мы выехали со двора и поехали за город, лагерь располагался в сорока пяти километрах от Шатска. Абитуриенты вели себя по-разному. Кто-то жевал домашние припасы, кто-то травил анекдоты соседу, а кто-то дремал, надвинув кепку на лоб. Мой сосед поинтересовался, из какого я города, потом что-то долго бубнил на ухо, но я его особо не слушал. Наконец, он уснул под убаюкивающий гул мотора.

Мне не спалось. Перед глазами стояло заплаканное лицо

матери.

Чтобы отвлечься, я стал думать о том, как мы с ней долетели до Шатска. Незадолго до нашего отъезда отец убыл в Афганистан, так что вначале мы с мамой проводили его, а затем мама полетела провожать меня. Сам полет прошел без приключений, однако в самолете состоялся один примечательный разговор.

Справа у иллюминатора сидел совершенно седой, но крепкий мужчина с рельефным, словно вырезанным из дуба, лицом. Под лацканом его потертого пиджачка в лучах сиявшего сквозь иллюминатор солнца светились многочисленные орденские планки.

Вначале он с улыбкой косился в мою сторону, а затем спросил:

– В Шатскую школу милиции собрался?

Я с удивлением посмотрел в его смеющиеся серые и совсем не старые глаза.

– А откуда вы узнали?

– Хм, да ниоткуда, просто посмотрел и понял.

– Не пойму, а разве так можно? Просто посмотреть и понять...

– Хо-хо, конечно, можно! По возрасту подходишь, семнадцать-то поди тебе только исполнилось, мама рядом сидит, переживает, глаза не на месте, а ты памятку абитуриенту читаешь, она, между прочим, в типографии по заказу Шатской школы МВД отпечатана. Вот, гляди, мелким шрифтом ука-

зано, видишь? А у меня дальнорозркость.

Я поразился его наблюдательности.

– А я подумал, что вы ясновидящий.

– Сыщиком, значит, хочешь стать, – как будто не услышав меня, продолжал невозмутимо говорить ветеран.

– Точнее, сотрудником уголовного розыска.

– А ты раскрыл хоть одну загадку?

– Какую еще загадку?

– Пропажу какой-нибудь ценной вещи, например. Да мало ли что! А, раскрыл?

Я наморщил свой бритый лоб, однако как ни силился, ничего такого вспомнить не смог. В первом классе я распутывал узлы на шнурках своих одноклассников, некоторые никак с ними не справлялись, привыкли, что до этого за них все делали мамы и бабушки, мучились и часто обращались ко мне за помощью, обнаружив у меня такую полезную способность.

В книгах я, конечно, читал, как мистер Шерлок Холмс уважаемого сэра Артура Конан Дойла или инспектор уголовного розыска Лосев нашего известного советского мастера детективов Аркадия Адамова лихо раскрывали загадочные преступления, запоем смотрел все серии знаменитого в то время телефильма «Следствие ведут знатоки», в котором находчивые Знаменский, Томин и Кибрит разоблачали изобретательных преступников, однако самому раскрывать загадочные случаи мне не приходилось. Как-то раз соседка жа-

ловалась, что газеты пропадают из почтового ящика, однако помочь ей разобраться я не сумел.

– Думаю, что меня всему научат.

– Научат? Ага, держи карман шире! Мозги промоют, это да, только от того сыщиком не станешь.

– Вы так говорите, как будто все знаете наперед.

– Я непростую жизнь прожил, так что слушай, что говорю.

Практикуйся, разгадывай загадки, тогда будет толк, а так, – одно расстройство.

– Какие загадки? Откуда мне их взять?

– погоди, послушай. Вот у нас на фронте случилась такая загадка. Несколько месяцев мой пулеметный взвод сидел в блиндажах на безымянной высоте. Активных боевых действий не было, и мы, скажу откровенно, мучились от скуки.

Для отправления естественных надобностей оборудовали общую щель, однако наша совсем еще молоденькая медсестра Ирина, ей тогда едва только восемнадцать лет исполнилось, дико стеснялась туда ходить. Я приказал саперу, и он оборудовал отдельную щель на восточном склоне, прикрыв ее от любопытных глаз по своей инициативе на всякий случай брезентовым пологом, который вертикально развесил между двух берез.

Я с недоумением посмотрел в оживившиеся глаза ветерана.

– А к чему вы мне все это рассказываете?

– Да ты послушай! Имей терпение. Так вот. Поначалу все

было тихо. Немцы, а они находились на дальних подступах к нашему холму с западной стороны, вели себя смирно, но после того, как мы оборудовали щель для Ирины, – магия какая-то, – словно с цепи сорвались. Наша спокойная жизнь мигом закончилась!

Каждое утро во вторник и субботу, хоть по календарю и часам сверяй, стали они нас обстреливать из минометов, и били-то как-то странно, – все по вершине, а отдельные мины на восточную сторону перелетали, где у нас, кроме щели для Иры, никаких позиций оборудовано не было. Так продолжалось довольно долго, и эти обстрелы стали крепко нас доставать. Как-то раз после очередного такого налета мой радист перехватил немецкую волну и вдруг быстро передал мне свои наушники.

Я приложил один наушник к уху и буквально остолбенел. Радист с явным удовольствием наблюдал за моей реакцией.

Наконец, придя в себя, я посмотрел в его озорные серые глаза.

– Хохочут?

– Хохочут, товарищ лейтенант. От смеха заходятся как младенцы!

Я не мог понять причину столь внезапного веселья, охватившего нашего противника. Обстрелы нам особого вреда не причиняли, только две березы, которые росли рядом с щелью Иры, между которых был развешан брезент, крепко пострадали.

Тем не менее, рвущиеся в одни и те же дни и часы мины, любая из которых могла ненароком угодить в блиндаж, сильно действовали на нервы моих бойцов. Я непрестанно выпытывал у них, не демаскирует ли кто наши позиции, однако все уверяли, что из траншеи нос не высовывают, а курят только в блиндажах и исключительно по ночам. Лишь Ирина как-то странно покраснела, услышав мой вопрос, однако заверила, что постоянно сидит в своем блиндаже, а в щель по надобности ходит исключительно по ходу сообщения, который тщательно укутан сверху маскировочной сеткой.

Вся эта странная ситуация стала меня не на шутку раздражать. Вдруг в один из дней, в восемь утра, во вторник, как сейчас помню, прямым попаданием немецкой мины была разрушена щель Иры, и березы рухнули вместе с брезентом. Она сама, слава богу, не пострадала.

Радист снова с ухмылкой подал мне наушники. Немцы что-то возбужденно обсуждали в эфире и громко гоготали, словно сытые гуси на ферме под Висбаденем.

– О чем они говорят?

– Курт проиграл Вальтеру спор, товарищ лейтенант. Через неделю их сменят, и Вальтер ждет от Курта обещанный ящик трофейного коньяка.

– Кто они по должности, можешь сказать?

– Как я понял, Курт командует пулеметчиками, а Вальтер – командир минометного расчета.

После того, как щель была разбита немецкой миной, Ире

пришлось ходить по нужде в общую щель, а странные обстрелы прекратились. Мы наслаждались тишиной. Дел особых по-прежнему не было, я, закинув руки за голову, лег у себя в блиндаже и от нечего делать попытался разрешить эту странную загадку.

Немецкий минометчик поспорил с немецким пулеметчиком. Проходит время, он выигрывает спор. Периодические обстрелы наших позиций из миномета неизменно следовали после дней, которые у нас были назначены днями стирки. Начались они после оборудования щели для Иры и вывешивания брезентового полога, а прекратились после того, как березы, удерживавшие полог, рухнули вместе с брезентом от прямого попадания. Что из этого следует, как думаешь, будущий следопыт? Есть соображения? Давай-ка, разгадай!

Я опять беспомощно наморщил лоб.

– Совершенно ничего не идет в голову.

– Эх, нет у тебя жизненного опыта! Жизни ты не знаешь. А у меня к тому моменту за плечами были сиротское детство, работа электриком в медных рудниках под Карабашем, да еще война. В общем, почувствовал я что-то, что-то для себя понял и стал тщательно наблюдать за местностью. Через день обнаружил, что на юго-востоке у дальней вершины, густо поросшей лесом, оборудована немецкая долговременная огневая пулеметная точка (ДОТ). Наши позиции оттуда вряд ли были видны, однако восточный склон нашего холма немецкие пулеметчики могли наблюдать, это было очевидно,

хотя прицельный огонь в силу большого расстояния вести не могли.

А вечером пришел старшина и сообщил, что у него случился перерасход нижнего белья.

– Как перерасход?

– Ирина попросила дополнительный комплект мужского солдатского белья, чтобы перешить для себя, вы понимаете, – трусики, бюстгалтеры...

– Это-то я понимаю! Я не понимаю, куда ее нижнее белье подевалось?

– Говорит, что изнашивалось.

– До дыр, что ли? Что с ним надо было делать, чтобы за четыре недели износить?!..

– Не знаю, товарищ лейтенант, мне неудобно уточнять такие подробности, тем более у такой симпатичной девушки, к тому же она очень стеснительная, и портить с ней отношения из-за белья я не желаю.

– Ага, выходит, мне предоставляешь такую возможность! Хорошо, пусть завтра утром сержант Климова зайдет ко мне.

Всю ночь я не спал, а под утро вдруг все понял. Как же я раньше не догадался!

После завтрака в мой блиндаж заглянула наша красавица. Она выглядела немного бледной, как будто у нее тоже выдалась бессонная ночь, хотя ни больных, ни раненых у нас во взводе не было.

Я поднялся с нар и строго посмотрел на нее.

– Между прочим, товарищ сержант, вы могли погибнуть. Она недоуменно вскинула свои черные как смоль брови.

– Я не понимаю вас, товарищ лейтенант.

– Все вы прекрасно понимаете. Разговор о вашем убежище, оборудованном специально для ваших нужд. Оно разрушено прямым попаданием немецкой мины.

– Это война, товарищ лейтенант.

– Ага, война все спишет, так, по-вашему?.. Только и на войне никому не позволено погибать по глупости!

– Я не понимаю.

– Пожалуйста, признайтесь, что вы совершили опрометчивый поступок, – как можно спокойнее и с доброй улыбкой сказал я.

Ее щеки вдруг вспыхнули, а глаза, до этого смотревшие прямо и твердо, смешались. Тем не менее, в следующий миг холодная уверенность вновь вернулась к ней, она гордо вскинула голову и осуждающе посмотрела на меня.

– Вы подсматривали?

– Нет, Ирина, я не подсматривал.

– В таком случае откуда узнали?

– Догадался.

– Как можно было о таком догадаться?

– Очень просто. Присядьте, послушайте. Мне удалось перехватить немецкую волну. Немцам, как и нам, нечего делать, и они, изнемогая от скуки, нашли себе развлечение. Немецкий минометчик поспорил с немецким пулеметчиком,

что попадет в женский лифчик, вывешенный сушиться на солнышке на брезенте между двух берез на восточном склоне нашей высоты. Минометчику сей предмет женского туалета не был виден, а пулеметчик два раза в неделю наблюдал его в бинокль со своей позиции. Минометчик кидал мины вслепую, а пулеметчик потешался, наблюдая за тем, как лифчик продолжает белеть на фоне брезента. В конце концов, минометчик попал и выиграл у пулеметчика ящик кофьяка.

Она опустила голову.

– Я, в самом деле, дура, товарищ лейтенант, однако подсматривать все же нехорошо.

– Говорю вам, я не подсматривал! Сами подумайте. Цель появляется по утрам с восходом солнца каждый вторник и субботу. Время для стирки у нас по распорядку – вечер понедельника и вечер пятницы. Все сушат белье в блиндаже старшины у печки-буржуйки, а вашего белья я там никогда не замечал, потому что вы стесняетесь. Что из этого следует?

Она в изумлении приоткрыла свои притягательные губы.

– Вы, в самом деле, не видели мое развешанное между берез белье, а лишь догадались, что оно там периодически висело?

– Да.

– Вы – волшебник, товарищ лейтенант!

– Небось, несладко вам теперь в сыром-то ходить? Сменное белье немецкая мина сожгла, и сушиться теперь негде,

ваше место для сушки на березах разрушено.

– Вы правы, я очень страдаю от мокрого нижнего белья, а сказать стесняюсь.

– Я дам указание старшине, он немедленно выдаст вам запасной комплект.

Вот так я познакомился со своей будущей женой. Теперь у нас пятеро внуков. А ты говоришь, научат! Как такому можно научить?

Глава вторая

Рассказ ветерана поразил меня настолько, что мои устремления, представлявшиеся великими, вдруг показались маленькими и наивными. В самом деле, может ли кто-то научить рисовать общую картину из отдельных фрагментов?

У кого-то она рисуется, как будто сама, а кто-то, как ни будет стараться, никогда ничего путного не нарисует, вот и все. Это склад мышления, и ничего с этим не поделаешь. Тренироваться, конечно, можно и нужно, однако, если не будет получаться, что тогда делать, вот в чем вопрос! Стоит ли начинать, если нет способностей к сыскному делу? Вот что я в тот момент подумал.

Внутренне я как-то сразу подобрался, пришло необъяснимое хладнокровие, и волнение по поводу предстоящих экзаменов, до этого терзавшее меня, вдруг растаяло. Что толку будет в том, если я успешно сдам экзамены, а разрешать загадочные жизненные ситуации все равно не смогу? Грош цена такой учебе!

Тогда, в салоне самолета, сидя рядом с ветераном, я твердо для себя решил, что не экзамены и диплом главное в жизни. Если я хочу реально помогать людям, надо ежедневно учиться самому, – наблюдать, делать выводы, складывать из отдельных фрагментов единое целое. Пусть даже я не поступлю, однако, если, в самом деле, имею способности сы-

щика, мне никто не помешает стать им, все зависит от меня самого. Наверное, не так важно, при погонах ты или гражданский человек, если ты действительно можешь расследовать нечто странное и не всегда очевидное, такое, что во все времена крепко озадачивало и беспокоило людей.

Не зря каждый день несколько недель мы с мамой с утра до вечера штудировали учебники. Как я упоминал, диагноз, который мне поставил профессор, заставил всю весну ездить по врачам и проверяться вместо того, чтобы готовиться к поступлению в высшее учебное заведение. Тем не менее, после того, как в июне выяснилось, что никакого порока сердца у меня нет, нам с мамой удалось неплохо подготовиться.

Она читала вслух, чтобы я не напрягал зрение, его, как и сердце, следовало беречь, затем задавала проверочные вопросы, а я отвечал. Эта подготовка очень пригодилась не только при поступлении, но и позже, во время учебы, поскольку занятия стали проходить не так, как в общеобразовательной школе, – теперь вначале шли лекции, и их надо было уметь слушать.

Короче говоря, я прошел по эксперименту, так в тот период, когда еще не было нынешнего пресловутого ЕГЭ, называлось зачисление в высшее учебное заведение абитуриента, набравшего хотя бы девять баллов после сдачи первых двух экзаменов. Если он набирал необходимые баллы, то от остальных двух экзаменов освобождался. Я написал сочинение на «хорошо», историю сдал на «отлично» и набрал за-

ветные баллы.

Все шло прекрасно, пока я не повстречался с капитаном милиции Романом Викторовичем Грыжуком, преподавателем боевого самбо. Он стал моим злым ангелом, и до сих пор тот случай я вспоминаю с досадой, смешанной с сожалением, однако все следует рассказать по порядку.

Слова ветерана не выходили у меня из головы. Несмотря на свою очевидную тягу к анализу и юношеские амбиции, в глубине души я был с ним полностью согласен и прекрасно понимал, что сыщицкой сметки у меня маловато. Может быть, именно мое подсознательное горячее желание проявить себя в раскрытии жизненно важных тайн притянули ко мне последующие загадочные происшествия, описание которых, собственно говоря, составляет сердцевину этого повествования.

Нас поселили в деревянные летние казармы, все обязаны были ходить в спортивных костюмах, кедах или кроссовках, и потекли абитуриентские дни по армейскому распорядку с общими передвижениями только строем. Этот порядок стал моим родным на долгие три с лишним года. В самом деле долгими они мне показались, и лишь на четвертом курсе армейский режим соблюдался с заметными послаблениями.

Подъем в семь утра, отбой – в одиннадцать. Утром после подъема и пробежки строем в колонну по четыре – обязательное построение. Вечером перед отбоем – еще одно обязательное построение, так называемая вечерняя поверка,

во время которой обаятельный, плотный и огромный, как морж, белобрысый старшина Звагинцев зачитывал по списку фамилии, и тому, чья фамилия объявлялась, следовало громко и внятно ответить: «Я!»

Иногда кто-то по каким-то делам не мог присутствовать на построении и заранее просил соседа, чтобы тот ответил за него. Некоторые по неопытности соглашались, и поначалу, когда старшина еще только знакомился с нами, такой трюк проскакивал, однако, в конце концов, ничего хорошего из этого не получалось. Тот, кто отсутствовал, получал наряд вне очереди, а тот, кто его прикрыл, – два наряда.

С первого дня меня шокировало то обстоятельство, что теперь мы ходили в общую уборную, – довольно большое здание в ста метрах от казармы. Там не было ни индивидуальных кабинок, ни перегородок, и, садясь на корточки на возвышении на одно из очков, а их там было семь или восемь, ты справлял нужду как на сцене. Любой, кто входил, а чаще вбегал, лицезрел действо во всей его красе, поэтому я старался заходить в этот Дворец отправления нужд, когда там никого не было, однако, едва только заходил и присаживался, как назло, обязательно находился кто-нибудь, кому срочно приспичило, и он вбегал рысью в самый интересный момент.

Кто-то садился на корточки с газетой и делал вид, что читает, прикрываясь ею, как ширмой. У меня газет не было, и первое время каждый поход по большой нужде достав-

лял, скажем так, досадные неудобства. Короче говоря, любой юноша, стремящийся поступать в военное или военизированное учебное заведение, должен, прежде всего, решить для себя вопрос, – готов ли он спокойно справлять нужду на глазах у своих товарищей.

Среди нас особняком держались сержанты, так я буду их называть, хотя в тот период мы все были абитуриентами. Тем не менее, с самого первого дня они выделялись выправкой, взрослостью, уверенным поведением и возрастом, все были старше нас, выпускников десятилетки. Помню, что самому старшему из них исполнилось двадцать семь лет, и с чьей-то легкой руки его почти сразу стали звать Дедом, а он не обижался.

Сержантами я их зову, потому что с самого начала наших абитуриентских дней мы их так называли. Они все отслужили в армии, а многие к тому же успели поработать в милиции, и все поголовно, в самом деле, имели воинское или милицейское звание «сержант». Кто-то из них выглядел забавно, мог пошутить, но большинство смотрелись грозно и казались неприступными.

Практически все они за редким исключением успешно сдали экзамены, поступили на первый курс и заняли должности старшин, командиров взводов и их заместителей. Вот почему с самого первого дня они общались исключительно друг с другом, а на нас смотрели свысока. В отличие от нас они были достаточно осведомлены о своих перспективах.

Школы милиции советской страны остро нуждались в тех, кто успел отслужить в армии и милиции, но таких явно не хватало, поэтому правительство разрешило Шатской школе милиции в порядке исключения набирать выпускников общеобразовательных школ, не служивших в армии. Сейчас это является обычной практикой для учебных заведений министерства внутренних дел, а тогда подобные послабления преподносились как эксперимент, и никто не знал, как долго он продлится.

В нашу сторону некоторые сержанты смотрели едва ли не с презрением.

– Салаги, караси! Жизни не знают. Меланхолики...

Все без исключения абитуриенты ходили в наряды – дневальными, в столовую и в караул. Выпускники десятилетки шли в качестве рядовых, а те, кто отслужил в армии, – старшими, то есть дежурным по столовой, начальником караула или начальником дневальной смены. Дневальные мыли просторные комнаты с двухъярусными койками, на которых мы спали, поливали водой из шланга упомянутую выше уборную и попеременно, по четыре часа, стояли у входа в казарму возле тумбочки, где хранился журнал со списком поступающих.

В столовой дежурные накрывали длинные столы, за каждым из которых помещалось десять человек, чистили по ночам картошку и мыли посуду, а мыть и чистить приходилось много. Тем, кому довелось сходить в наряд в столовую

в те дни, очень не повезло, – мытье алюминиевых тарелок в огромной ванной казалось бесконечным процессом, им приходилось делать это шесть раз в сутки, поскольку посуды не хватало, и пока не отсеялись люди на экзаменах, лагерь обещал в две и даже три смены. Я видел этих ребят, – от горчицы, которую повара щедро сыпала в ванную с грязной посудой, их руки были ярко-бордовыми.

В карауле лагерь охранялся по всему его периметру, мы исполняли роль часовых, только ни боевого, ни учебного оружия нам как абитуриентам естественно не выдавалось. Самым неприятным было недосыпание, ночью в нарядах мы спали всего четыре часа, не больше, а днем редко удавалось подремать, офицеры и сержанты постоянно озадачивали какими-нибудь поручениями, лишь в столовой можно было урвать для сна чуть больше – часов шесть.

В общем, никаких солдат внутренних войск или вольнонаемных, которые бы нас обслуживали, не было и в помине ни в лагере, ни на наших зимних квартирах в Шатске. Некоторые, узнав о том, что придется все драить самим, крепко напряглись и уехали после сочинения, отказавшись сдавать остальные экзамены, но таких было немного.

Конкурс оставался большим, и медицинская комиссия почти не уменьшила его, ее мы прошли, едва прибыв в лагерь, – на двести свободных мест по-прежнему претендовало восемьсот с лишним человек. Соответственно проходной балл оказался довольно высоким для учебного заведения МВД –

восемнадцать. В общем, для того, чтобы поступить, следовало написать сочинение, сдать экзамены по русскому языку, истории и иностранному языку так, чтобы в итоге получилось две четверки и две пятерки или три пятерки и тройка.

Конечно, молодежь завлекали сюда тем, что якобы можно убить двух зайцев – не через пять, как в университете, а через четыре года получить престижный диплом юриста-правоведа и к тому же избежать службы в армии. Мы еще не знали, какая засада нас ожидает, и наряды, в которые мы погрузились с головой с самого первого дня прибытия, оказались всего лишь цветочками.

Мы стали потихоньку знакомиться в курилке и казарме и с удивлением узнали, что некоторые молодые люди фанатично стремились именно в Шатскую школу милиции, проваливали экзамены, однако на следующий год снова приезжали поступать. Они узнали от друзей и родственников, что это единственное в стране учебное заведение, которое специализируется на подготовке сотрудников уголовного розыска, имеет неплохую базу и сильный преподавательский состав, тщательно отобранный из учебных и научных заведений со всего Советского Союза. Помимо этого, как я упоминал, только Шатская школа принимала семнадцатилетних юношей, выпускников средних общеобразовательных школ, остальным школам милиции такое право предоставлено не было.

Рассказы этих удивительных ребят давали емкое пред-

ставление об абитуриентском периоде, поскольку они красочно рассказывали, как все было организовано в прошлом и позапрошлом году, на чем они срезались и так далее. Многим запомнился стройный парень-блондин с правильными чертами лица, который в свободное время замечательно пел под аккомпанемент своей простенькой гитары песни Андрея Макаревича, в особенности здорово у него получались «Марионетки» и «Старый корабль». Все просто обалдели, когда узнали, что он поступает сюда в пятый или шестой раз, правдами и неправдами избегая призыва в армию.

Лица стерты, краски тусклы –

То ли люди, то ли куклы,

Взгляд похож на взгляд,

А тень – на тень.

И я устал, и отдыхая,

В балаган вас приглашаю,

Где куклы так похожи на людей.

Забегая вперед, скажу, что Саня, так, кажется, его звали, и в тот раз, к сожалению, не смог набрать нужное количество баллов. Хотел бы я сегодня после стольких перемен, произошедших в нашей стране, пообщаться с ним! Интересно, как теперь он оценивает свое былое фанатичное юношеское рвение стать сотрудником советского уголовного розыска и по-прежнему ли жалеет о том, что не смог поступить.

Глава третья

Лагерь располагался на овеваемой ласковым прохладным ветерком огромной поляне, окруженной живописной березовой рощей, которая пришлась бы по душе многим нашим поэтам. Погода стояла замечательная, режим и свежий воздух сделали свое дело, моя болезненность стала потихоньку отступать, однако вскоре случился удар – трехкилометровый кросс. Его по плану, спущенному сверху, устроили наши офицеры в воскресенье, поскольку именно воскресенье было единственным днем, свободным от консультаций и экзаменов.

Ноги не слушались! Я еле передвигал их, напоминая со стороны стреноженного жеребенка. Лекарство, которым меня три месяца накачивал профессор, будучи уверенным, что у меня порок сердца, сыграло злую шутку. Мало того, что оно разжижало кровь, и потом еще два года даже незначительные царапины плохо заживали, поскольку кровь не желала нормально свертываться, так к тому же оно действовало на суставы и мышцы, причем так, что они отказывались подчиняться, делаясь как будто деревянными.

В общем, я приковылял практически последним. Была еще парочка человек, однако они, едва почувствовав усталость, сразу перешли на шаг, отказавшись бежать, а я, несмотря на ужасную скованность мышц, упрямо продолжал

свой кошмарный бег. Это мое отчаянное передвижение, которое и бегом-то назвать было очень сложно, было скорее похоже на ползание черепахи, однако я не сдался, не остановился, не перешел на шаг, чем горжусь до сих пор, хотя в тот момент, кроме стыда, ничего не испытывал, – из многих сот человек я пришел практически последним!

Правда, горе мое по этому поводу длилось недолго. После того, как окончились экзамены, и состоялось зачисление, мы оставались в лагере еще два месяца, – проходили так называемый курс молодого бойца и убирали на совхозных полях лук, – и трехкилометровые кроссы из воскресного соревнования превратились в ежедневную утреннюю зарядку. Через две недели такого распорядка лекарства профессора ослабили свои коварные тиски, я не бегал, а летал, и больше никогда не отставал, более того, неизменно прибегал к финишу в первых рядах, в общем, на всю жизнь полюбил бег.

В день перед экзаменом нас освобождали от нарядов, и мы валялись за казармой на лужайке, читали учебники, а когда надоедало, травили анекдоты или просто смотрели в синее небо, по которому лениво брели забавные ягнята-облачка. Первыми, с кем я познакомился, были Андрей Викторов и Алексей Кошелев, оба земляки из Архангельска, поэтому держались они особняком. Андрей что-то спросил меня по истории, я ответил довольно удачно, ему понравилось, так мы познакомились, и я оказался в их компании.

Андрей подкупал своим оптимизмом и легкостью в обще-

нии, много рассказывал о своих первых опытах с девочками и зрелыми женщинами, причем у него это получалось так изящно, будто он говорил о живописи известных фламандских художников. Мне на эту тему рассказывать было нечего, поэтому я помалкивал, да меня никто не спрашивал, моя роль внимательного слушателя моих новых знакомых вполне устраивала.

Кошелев запомнился тем, что знал наизусть нецензурную версию «Евгения Онегина» и цитировал ее по памяти без устали и со вкусом, уверяя, что ее, в самом деле, написал сам Александр Сергеевич Пушкин в качестве, так сказать, остренького дубликата. Он читал так проникновенно, и матерные слова вылетали из его уст так органично, что какой-то крепкий брюнет в импортном синем спортивном костюме и впечатляющих алых кроссовках, скорее всего, тоже заграничных, остановился рядом с нами, приоткрыв рот. Он, кажется, забыл, куда и зачем шел.

– Вот эта да! В школе такое не учат.

– Сигарета есть? – повернувшись к нему, спросил Виктор.

– Нет, не курю.

– Жаль! Придется в казарму тащиться.

– Днем там запрещено находиться, – сказал я.

– Эх, Валера, правила создаются, чтобы их нарушать!

Андрей лениво поднялся, вышел из освежающей тени молоденьких березок, прошел лужайку и вместо того, чтобы

уйти за угол, там был вход в казарму, подошел к угловому окну, поддел его какой-то железкой, бережно положил ее обратно в траву, влез через окно внутрь, и через минуту вернулся с сигаретой.

– Будешь? – предложил он мне.

– Не понимаю, какое в этом удовольствие.

– Ты прям как девочка! Они тоже поначалу не испытывают никакого удовольствия. Честно сказать, я сам особого удовольствия не получаю, так, иногда, под настроение, я имею в виду табак, а не девочек, с ними другое дело.

Как я понял из этого случая, легкость Викторова, оказывается, была не только в общении. Он так же легко относился к соблюдению правил внутреннего распорядка. Чем больше я его узнавал, тем больше мне казалось странным, что он поступил в военизированное учебное заведение. Казалось, что его призванием были театральная школа или институт культуры.

После отбоя он мог спокойно подняться с койки, открыть то самое угловое окно, оно выходило не на асфальтированный плац, по которому после отбоя частенько ходили наши офицеры, а на лужайку, и, сидя на подоконнике, выкурить сигарету перед сном. Видимо, он так постоянно делал дома, или на свиданиях с подругой, о которой он непрестанно рассказывал, поэтому не собирался отказываться от своей привычки, хотя, забегаая вперед, скажу, что после поступления и возвращения из лагеря на зимние квартиры в Шатск, он, на-

сколько помню, практически не курил.

Вскоре, как я говорил, моя жизнь абитуриента закончилась, я сдал экзамены «по эксперименту». Викторов с Кошелевым откровенно позавидовали мне и мгновенно отделились от меня.

– Везет же людям! А нам еще русский и английский язык сдавать. Жуть!

Через неделю наш статус уравнивается, они тоже успешно сдадут экзамены и поступят на первый курс, а пока, таких как я счастливчиков, во всем лагере набралось человек двенадцать. После утренней зарядки, построения и завтрака все ушли на консультацию перед очередным экзаменом, а нас передали в распоряжение капитана Грыжука, плотного невысокого светловолосого крепыша. Он был, как я упоминал выше, преподавателем боевого самбо. Кто-то шепнул, что на четвертом курсе нам от него достанется, – он очень требовательно принимает зачет перед отправлением на стажировку.

Тогда я даже не предполагал, каким язвительным человеком является капитан милиции Роман Викторович Грыжук. Он был похож на охотника, который расставляет силки, и потирает от удовольствия руки, когда глупая жертва запутывается в сетке. Что ж, каждый забавляется, как может.

Как и все наши офицеры в те дни, Грыжук был одет поспортивному, и на его костюме была вышита на груди крупная белая буква «Д». Такие удобные и довольно симпатичные шерстяные костюмы выдавались сотрудникам милиции,

которые все поголовно являлись членами спортивного общества Динамо. Среди других офицеров его выделяли новенькие импортные кроссовки.

Такая же спортивная обувь была только у Старикова, кудрявого глазастого стройного брюнета. Я вспомнил, что он подходил к нам, чтобы послушать, как Кошелев читает «Евгения Онегина» в скабрёжном варианте, а Викторов спросил у него сигарету.

Кто-то сказал, что Стариков – кандидат в мастера спорта по дзюдо, и Грыжук обеспечил ему поступление «по эксперименту», поскольку школе милиции позарез нужны борцы для успешных выступлений на различных ответственных соревнованиях. В действительности Стариков нес на экзамене по истории какую-то околесицу, а сочинение списал со шпаргалки.

У капитана была довольно-таки безобидная внешность, он не ходил, а как будто катался, словно забавный румяный колобок с белесыми волосиками на макушке, всегда широко улыбался и выглядел, кажется, неизменно дружелюбным и доброжелательным, однако, едва раскрывал рот, становилось не по себе. В каждом его слове чувствовалась саркастическая насмешка, и сквозило превосходство, словно знание дзюдо, которым он владел в совершенстве, одновременно давало ему таинственную осведомленность о таких вещах, которые простым смертным просто недоступны для понимания.

Наша задача состояла в том, чтобы под руководством Грыжука оборудовать класс для проведения занятий по огневой подготовке на свежем воздухе. Здесь новоиспеченные слушатели, проходя курс молодого бойца, будут учить теорию, а затем разбирать и собирать пистолет Макарова на время. Следовало врыть столбы, на которых оборудовать длинный учебный стол и лавки, а затем натянуть сверху брезентовый полог для защиты от влаги и солнца. Накануне прошел теплый летний дождь, земля была влажной, и ямы рылись легко.

Стариков делал вид, что копает. Грыжук смотрел на его имитацию сквозь пальцы, зато остальные мгновенно стали объектом для подтрунивания и насмешек.

– Валера, Валера, Валерий, Валерия, – как кот, промурлыкал он, глядя, как я нетвердо всаживаю лопату в грунт, – а тебе не кажется, что имя у тебя женское?

Он знал, что я не могу ему ответить, и с удовольствием балансировал на грани фола.

– Ладно, не красней, не в службу, а в дружбу, сходи-ка в столовую, узнай, когда накрывают обед.

Умел Грыжук смущать и выводить из равновесия! Толком не осознав, что он на самом деле хочет узнать, я сходил в столовую и, вернувшись, сообщил, что как обычно, в час дня будет обед. Глазки капитана сузились в ехидные щелочки, и он покачал головой, как рыбак, поймавший на крючок редкую особь.

– Вот кого к нам набирают! Валерий Тобольцев, Совет-

ский Союз, ага?

Я стоял и с недоумением смотрел в его хихикающее личико, а он, вяло махнув в мою сторону рукой, принялся ходить с рулеткой, отмеряя точки, в которые следовало забить металлические штыри для брезентового полога, не забывая саркастически покачивать головой.

Я не выдержал.

– А что я сделал не так, товарищ капитан?

Вместо ответа он повернулся к Старикову.

– Жора, сходи, узнай, а то, чувствую, пока мы с Тобольцевым будем разбираться, обед давно закончится, и солнце сядет!

Стариков кивнул и спортивной рысцей убежал в столовую, а Грыжук повернулся ко мне.

– Ты, Тобольцев, не стой столбом, яму копай!

Я, сгорая от непонимания и досады, закусил губу и стал углублять свое отверстие в земле. Скоро вернулся Стариков.

– Роман Викторович, нам назначено время – двенадцать двадцать, просили не опаздывать, и посуду самим убрать со стола, а то они не успевают.

Грыжук почти по-дружески похлопал своего подопечного по плечу.

– Молодец, Жора, сядь, отдохни, а ямы пусть такие, как Тобольцев, копают!

Только сейчас до меня дошло, что в столовой следовало спросить не о времени обеда, а том, когда накроют столы для

нашей группы. Стало противно.

С другой стороны, он мог нормально объяснить, когда отсылал меня? Я же не знал, что мы будем обедать отдельно от остальных!.. Да, но, однако, должен был сообразить, что нет смысла узнавать время общего обеда, это время всем известно. Вот они, проклятые яблоки на дубе...

И, тем не менее, зачем было так едко глумиться? Похоже, что издевательство над более слабыми и чувство превосходства доставляют ему наслаждение.

Стариков с доброй улыбкой взглянул на меня и отошел к скамеечкам курилки. Минут десять я копал, а затем отложил лопату в сторону.

– Яма готова.

Грыжук замерил глубину.

– Еще на штык углуби.

– Какой такой штык?

Глава четвертая

Грыжук отвернулся, всем своим видом показывая, что с круглыми идиотами разговаривать бесполезно, затем повернулся, чтобы идти, однако задержался и повел глазами в сторону моих часов на руке.

– С противоударным механизмом? – с хохотком сказал он. – Не жалко?

Я ничего не понял. Мои новенькие часы назывались «Командирские», имели удобный циферблат с секундной стрелкой и миниатюрным компасом и смотрелись великолепно. Мне подарил их отец перед отъездом в Афганистан, тогда такие часы были большой редкостью, на черном рынке спекулянты просили за них сто рублей, что равнялось зарплате учителя или инженера.

– Штык – это слой земли, который за раз берет лопата! – крикнул мне из курилки Стариков.

– За раз?..

Грыжук продолжал веселиться. Казалось, что сейчас он зарежет и покатится по земле от смеха, как колобок из известной сказки. Ему, в самом деле, доставляло удовольствие злить меня.

– Лопату, Тобольцев, не бросай, а втыкай в землю, понял?

– Почему?

– Кто-нибудь наступит, споткнется и получит травму.

Техника безопасности! Не удивлюсь, если этим бедолагой окажешься ты, а мне потом за тебя отвечать придется. Что-то ты слишком рассеянный, не иначе будущий профессор!

Я вновь недобро поджал губы, а он едко захихикал.

– Если тебе часы, в самом деле, жалко, то не таскай их на хозяйственные работы. Разобьешь! Неужели непонятно?

У самого Грыжука на руке красовались импортные японские часы. Таких дорогих наручных часов мне раньше видеть не доводилось. Я, насупившись, снял свои часы с руки, положил их в карман и с силой вонзил лопату в проклятую яму.

В общем, первый день после сдачи экзаменов, который, как мне казалось, должен был быть счастливым, светлым и радостным, совершенно неожиданно принес одно лишь расстройство и словно окатил ледяным душем. Я вдруг понял, что вот она – система собственной персоной, и Грыжук – ее замечательный винтик.

Мне очень захотелось плюнуть на все и написать заявление на отчисление, однако надо же было так случиться, что именно в тот злополучный день подобное заявление написал другой абитуриент, который так же как и я прошел по «эксперименту», то есть сдавал всего два экзамена, а не четыре, и в отличие от меня он даже набрал больше девяти баллов, – получил две пятерки.

Я услышал, что стали говорить о нем.

– Не выдержал трудностей и сбежал!..

Нет, таких разговоров и такой памяти о себе я не желал. Только это в тот неприятный день остановило меня, а потом многое изменилось, и никогда больше я не помышлял об уходе из школы милиции.

Вечером я пошел к нашему замполиту Владимиру Ковалеву.

– Товарищ капитан, прошу не направлять меня в распоряжение Грыжука.

– Почему, Тобольцев?

– Хочу пойти в наряд.

– Грыжук объявил тебе наряд вне очереди?

– Нет, я сам хочу в наряд.

Ковалев внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

– Хорошо, завтра до обеда все-таки побудешь у него, а после обеда останешься в казарме и будешь готовиться в наряд по столовой.

Я был очень благодарен ему за проявленную внимательность и человечность. В его тоне не было вездливой и унижительной насмешки, которая меня так раздражала тогда и раздражает сейчас, если я вижу ее в людях.

Утром, когда все ушли на экзамен, я стал собираться к Грыжуку, вспомнил его едкое замечание и решил не надевать часы вообще. Койки наши были, как я говорил, двухъярусные. Рядом с каждой стояла высокая просторная тумбочка, верхнее ее отделение занимал абитуриент, который спал наверху, а нижнее тот, чья койка располагалась внизу.

Впоследствии такой порядок сохранялся у нас все четыре года обучения.

Я снял часы с руки, бережно завернул их в носовой платок и засунул подальше в угол своего отделения. Если открыть тумбочку и не заглядывать специально в ее углы, то разглядеть носовой платок с завернутыми в него часами за мыльницей, зубной пастой и бритвенным станком было практически невозможно.

Встреча с Грыжуком радости не принесла, он по-прежнему был в своем репертуаре, мне даже показалось, что сегодня он был еще злее, чем вчера. Капитан беспощадно ругал всех за лень и неумение ничего делать. Доставалось всем, кроме Старикова и меня.

– Вы хоть раз палатки в своей жизни ставили? Откуда вы на белый свет появились? Эх, чувствую, что мне самому все придется делать!

Со Стариковым Грыжук добродушно балагурил, а на меня смотрел, как ребенка, которого лучше не трогать. В общем, тяжел был в общении капитан Грыжук. Когда незадолго до обеда брезентовый полог был, наконец, натянут, наш мучитель вдруг смягчился и неожиданно похвалил меня.

– Так, всем смотреть, как надо ямы копать! Глубина четко соблюдена, отверстие не слишком большое, поэтому столб будет стоять как влитой. Молодец, Тобольцев! После обеда отдыхай, тебе вечером в наряд заступать, понял? А то опять что-нибудь напутаешь, профессор!

Все-таки напоследок ужалил! С большим облегчением уходил я из-под его опеки.

Так окончилось мое первое знакомство с капитаном Грыжук. Ничего, кроме досады, оно у меня не вызвало. Понятное дело, что многие из нас жизни не знают, приехали из городских квартир, и кроме телевизора, двора, и сада с огородом у дедушки с бабушкой ничего не видели. Кто в этом виноват? Вместо того, чтобы поощрить за то, что мы не испугались, не пошли легким путем, решили хоть что-то в жизни испытать, Грыжук сурово клюет за неприспособленность. А где, интересно, мы могли приобрести эту самую приспособленность? Такое отношение не только поражало, оно возмущало, и я испытывал к нему нечто, очень похожее на настоящую ненависть.

Он, как видно, хочет, чтобы мы стали еще более неуверенными и замкнулись в себе. Что-то очень недоброе, я даже сказал бы бандитское, привиделось мне в его манере поведения. Тогда я еще не в полной мере понимал, что столкнулся всего лишь с первым моим звоночком в познании некоторых пикантных нюансов советской общественной жизни, поскольку все еще надеялся, что такие типажи, как Грыжук, — исключение, а не правило.

В наряд по столовой я заступил впервые, до сих пор помню то изнеможение, которое осталось после него. Сонные, поскольку ночью чистили картошку на почти шестьсот человек, мы не успевали вымыть все тарелки для второй смены.

Их катастрофически не хватало (неужели кто-то экономил на этой грубой алюминиевой посуде?), и нас подгоняли все, кому не лень, – сержанты, офицеры, в том числе заезжие дяди с большими звездами на погонах, и даже преподаватели. Некоторые пытались шутить, однако в целом весь этот ажиотаж и суета производили гнетущее впечатление.

Никаких положительных эмоций, за исключением того, что мы наелись до отвала пшенки с мясом, наряд не доставил, а на следующий день вечером, когда мы освободились от дежурства, меня ожидал сюрприз, – мои наручные часы исчезли из тумбочки. Носовой платок лежал на месте, а часов в нем не оказалось.

Я отлично помнил, как завернул часы в платок и засунул сверток в дальний угол тумбочки. В нашей группе только я прошел «по эксперименту», досрочно сдав вступительные экзамены, поэтому, когда все ушли на очередной экзамен, я остался в комнате один, засунул часы в тумбочку, после чего двинулся на хозяйственные работы к Грыжуку.

О том, что мои наручные часы находятся в тумбочке, я никому не говорил. Окна нашей комнаты, как я упоминал, выходили на лужайку, за которой рос редкий березняк, а за ним проходила граница лагеря. Может быть, оттуда к нам пробрался какой-нибудь местный житель или бродяга?

Я терялся в догадках. Неужели к нам в комнату, в самом деле, влез кто-то посторонний? Поверить в это было сложно. Днем вряд ли кто решился бы сюда залезть, – кругом спуют

люди, а казарму убирают дневальные, к тому же один из них постоянно торчит в коридоре возле тумбочки.

Выходит, что кто-то забрался ночью, однако в это также было непросто поверить. Все окна нашей комнаты запирались на ночь на шпингалеты, и вообще, откуда, интересно, посторонний мог узнать, что у меня в тумбочке спрятаны часы!

Только если что-нибудь еще у кого-нибудь из жильцов нашей комнаты пропало, или если в других тумбочках не было ничего ценного, вот тогда, наверное, можно было предположить, что неизвестный забрался к нам наобум, а не по наводке. Он решил чем-нибудь поживиться и не знал, что в моей тумбочке лежат часы, просто случайно наткнулся на них.

После мучительных терзаний я отправился к нашему старшему офицеру, капитану Анатолию Михайловичу Рыкову, обаятельному спортивному крепышу с походкой кавалериста и лицом человека, который многое видел и теперь ничему не удивляется.

Я заявил ему о пропаже. Его выпуклые, как у рака, глаза буквально застыли на моем лице.

– Первый раз такое. Никогда ничего ни у кого не пропало. Еще кому-нибудь говорил?

– Нет.

– Правильно сделал. Пока никому не говори, я сам наведу справки.

Вечером он пригласил меня к себе в комнату и показал

характерный светло-коричневый ремешок от наручных часов. Я изумленно вскинул брови и привстал. Сомнений быть не могло!

– Где вы его нашли?

– Твой?

– Мой!

– Мы прошли с замполитом по комнатам, проверили тумбочки и койки. Этот ремешок мы обнаружили под матрасом Пчелинцева.

Пчелинцев!.. Недобрые мысли тревожно загудели в моей голове. Валера Пчелинцев был долговязым юношей под метр девяносто ростом с повадками десятилетнего мальчугана, непрестанно давившего перед зеркалом прыщи на своем большом как картофелина носу. Его словарный запас, как у Элочки Людоедки из бессмертного произведения Ильфа и Петрова, кажется, в самом деле, ограничивался тридцатью словами.

«Э-э», «слышь», «блин», «хавло», «глянь», «это», «курить есть?», «дай глянуть», «ага», «короче», «прикольнo», «схавал», «прикинь», – вот практически и все, что можно было от него услышать. Когда он написал сочинение на «хорошо», ребята были просто шокированы, и поползли слухи, что у него имеется волосатая лапа, хотя он не уставал заверять всех, что написал сочинение самостоятельно и бубнил в курилке одно и то же:

– Э-э, прикинь, повезло, блин, тема попала, я, слышь, это,

ее готовил, знал, короче.

Его мама, видная и чрезвычайно настырная женщина с эффектной густой гривой каштановых волос, могла своей впечатляющей грудью пробить, кажется, любую стену. Она постоянно приезжала в лагерь на такси, крепко переживала, что ее ребенок ходит вечно голодный, требовала от начальства, чтобы в столовой ему выдавали двойную порцию, и без усталости привозила какие-то умопомрачительные продуктовые наборы в посылках размером с чемодан. В них завлекательно пахла дефицитная по тем временам колбаса, и щекотал нос запах других замечательных вкусов.

Пчелинцев всегда старался скрыть факт очередного приезда матери. Если такой фокус удавался, то по ночам он тайком пожирал мамины продукты под одеялом при свете фонарика, устраивал себе, так сказать, праздник желудка, а чтобы днем тоже не голодать, прятал кое-какой запас во внутренний карман спортивных штанов, расположенный на животе. Этот кармашек его неизменно выдавал, – все знали, если Пчелинцев что-то достает из него и жует, то, значит, накануне пришла посылка. Тогда начиналась оживленная игра. Его пытались раскрутить на продукты, а он делал честные глаза, уверяя, что никакой посылки не приходило.

– Э, парни, слышь, хавла нет, у старшины, короче, спросите, ага, не было посылки!

В связи с этим наши острословы мгновенно прозвали его Скиппи по кличке кенгуру – главного героя известного ав-

стралийского телесериала, который с успехом транслировался по советским телеэкранам как раз в тот год. Кстати, внешне Валера Пчелинцев тоже крепко походил на огромного кенгуру. Ноги и ступни у него были просто огромные, а торс и плечи – гораздо более скромные по своим размерам, чем бедра и голени.

Вроде бы добродушный внешне парень своей примитивностью и животными повадками лично меня крепко раздражал. Несмотря на то, что нашелся лишь ремешок, а не сами часы, было несложно представить, куда Пчелинцев их дел. Скорее всего, снял с ремешка и засунул в упомянутый потайной карман штанов, похожий на сумку кенгуру. Правда, его непомерная алчность, кажется, проявлялась лишь в еде, однако она вполне могла распространиться на ценные вещи. Тем более, что совсем недавно именно он интересовался моими часами.

– Э, Тобольцев, слышь, прикинь, твои? Дай глянуть, ага...

У него самого на руке красовались довольно дорогие по тем временам позолоченные часы «Полет», однако его, как видно, как сороку, привлекало все блестящее, и мои часы он рассматривал как абориген с далекого тихоокеанского острова, впервые в жизни увидевший стеклянные бусы. Он вполне мог взять без спроса мои часы, теперь я в этом почти не сомневался!

Глава пятая

– Чего задумался, Тобольцев? – сказал Рыков, оторвав меня от моих невеселых мыслей. – Подозреваешь его?

– Да.

– Погоди, не спеши.

– Почему?! Пока не поздно, следует с ним разобраться!

– Да подожди ты, не горячись! Сам подумай, зачем ему понадобилось прятать ремешок от украденных часов под свой матрас?

– Мало ли зачем! Он снял часы с ремешка, часы спрятал, а ремешок не успел, в этот момент кто-то зашел в комнату, и он в спешке сунул его под матрас, чтобы потом выбросить.

– Маловероятно.

– А вы как думаете, товарищ капитан?

– Тот, кто украл твои часы, снял их с ремешка и подсунул под первый попавший под руку матрас, им оказался матрас Пчелинцева.

– Чтобы отвести от себя подозрения и навлечь их на Пчелинцева?

– Именно.

– Я не пойму, если это был посторонний, как он проник в комнату? У нас на ночь все окна запираются на тугие шпингалеты, а в коридоре у входа постоянно находится дневальный.

– Дневальными дежурили Чернов, Голиков, Сивков и Пчелинцев.

– Пчелинцев!..

– Да, опять Пчелинцев. Вроде бы все сходится на нем, однако все-таки прошу тебя, Валера, пока не предпринимай никаких действий, хорошо? У него очень скандальная мама, и если мы ошибемся, дело непременно дойдет до начальника школы, тогда плохо будет всем. Желательно все выяснить наверняка. Потерпи, я обязательно во всем разберусь!

Прошла неделя, закончились вступительные экзамены, на общем построении офицеры зачитали список поступивших, нас разбили повзводно, и начались наши суровые будни в рамках курса молодого бойца. Теперь мы, одетые не в спортивные костюмы и кроссовки, а в милицейские брюки-галифе или, как их некоторые называли, бриджи, а также сапоги и рубашки без погон, но с галстуками, должны были утром подняться по команде «Подъем» и за сорок пять секунд, одевшись, покинуть комнату. Тесной гурьбой мы, сломя голову, бежали на плац на утреннее построение, – это непередаваемое состояние, сопровождаемое оглушительным грохотом сапог в узком коридоре казармы, я вспоминаю до сих пор, в нем чудилось дыхание начала войны, – жуткое и в то же время притягательное и романтическое.

Теперь жизнь в лагере проходила намного более динамично, – подъем в семь утра, утреннее построение с утренней поверкой, трехкилометровый кросс в сапогах с обнаженным

торсом, завтрак, учебные занятия, обед, снова учебные занятия или хозяйственные работы, ужин, два часа свободного времени, вечернее построение, вечерняя поверка и отбой в двадцать три часа. Тяжело было первую неделю, а затем все стало казаться естественным и привычным.

Я, например, очень скоро стал просыпаться за минуту до команды «Подъем» и, когда она звучала, мгновенно срывался с постели и натягивал бриджи. Это было первым действием. Портянки обматывались вокруг сапог, чтобы успели просохнуть на ночь. Так было положено делать по уставу, кто забывал или ленился, получал наряд вне очереди.

Я, как и все, срывал портянку с сапога, расстилал на полу, ставил на угол ступню, обматывал ногу двумя быстрыми движениями и совал в сапог, затем вторую, раз, два, и ты в брюках и обут, а прошло секунд тридцать, не больше. Дальше хватаешь форменную рубашку без погон со стула, галстук к ней приколот с вечера, и бегом из комнаты. Рубашку натягиваешь, пуговицы застегиваешь, и галстук прилаживаешь уже на ходу. Вот и вся премудрость.

На учебных занятиях мы изучали воинские уставы, военную тактику, огневую и строевую подготовку, и, кроме этого, ежедневно проводились политинформации, на которых освещались важные события в стране и за рубежом. Все это называлось боевой и политической подготовкой. Наряды, естественно, продолжались, однако теперь они казались почти раем, от восьмисот человек осталось двести тридцать,

их обслуживать стало гораздо легче.

Викторов, как и я, по случайному совпадению тоже оказался в восьмом взводе или учебной группе, как у нас официально именовались взвода. Восьмая группа стала нашей на четыре года, а Кошелев попал в седьмую группу. Кроме Викторова я успел сблизиться с Сашей Ти, симпатичным брюнетом-крепышом, который практически всегда улыбался, но иногда был задумчив и грустен, особенно когда получал письма из дома, и мы как-то сразу оказались с ним на одной волне.

Папа у него был кореец, а мама русская, наши фамилии шли по алфавиту одна за другой, и потом, на старших курсах ребята из других групп со смехом рассказывали, что долгое время считали, что в нашей группе учится слушатель со смешной фамилией Титобольцев. Причина этого забавного недоразумения состояла в том, что старшина наш зачитывал список в журнале скороговоркой, поэтому вместо «Ти, Тобольцев» ребятам, стоявшим в строю в других группах, и не слышавших наши с Сашей ответы «Я!», слышалось: «Титобольцев!»

Дни шли своим чередом, по поводу часов Рыков молчал, а я ничего не спрашивал. С каждым днем надежда найти их таяла все больше, а в одну из ночей нашу группу подняли по тревоге, причем подгоняли так, словно, в самом деле, началась война. Ничего не понимая, мы, сонно хлопая ресницами, выстроились на плацу.

Казалось странным, что командир нашей группы Владимир Касатонов, приятный молодой человек с обаятельным животиком, отслуживший в погранвойсках, тоже стоявший на плацу, теперь исполнял роль статиста. Всем заправлял сержант Михаил Стрижевитов, сухопарый крепкий парень с носом и взглядом хищной птицы, который никакую должность в группе не занимал. Поговаривали, что он – помощник начальника школы по вооружению, заведует тиром и складом оружия Шатской школы милиции и поступил по благу. Не прошло и двух недель нашего впечатляющего курса молодого бойца, как кто-то метко окрестил Стрижевитова фюрером, – он, в самом деле, имел оловянный взгляд и косую челку, а то, что он вытворял, не показывали в советских фильмах.

Точно не знаю, из каких соображений, скорее всего, это была установка заместителя начальника школы по строевой подготовке полковника Леднева, сержанту Стрижевитову, как и другим слушателям, отслужившим в армии, был дан карт-бланш. Они должны были показать нам, карасям и салагам, что такое настоящая армия!

Курс наш делился на два дивизиона по четыре учебной группы в каждом. Капитан Анатолий Рыков и замполит Владимир Ковалев были нашими офицерами, все группы курса имели сквозную нумерацию, наша группа, как я говорил, была восьмая, и нам очень не повезло, что в нее включили Стрижевитова. Он деловито прокашлялся и хмуро посмот-

рел на нашу «коробку», так называлось построение учебной группой в количестве двадцати девяти человек в колонну по четыре.

К этой памятной ночи хождение строем стало для нас достаточно привычным делом, как и бег. Утром мы бегали кросс исключительно строем, а вечером после вечерней проверки все группы проходили торжественным маршем перед трибуной, за которой стояли начальник курса и курсовые офицеры – командиры обоих дивизионов и замполиты.

Каждая группа должна была иметь своего запевалу и строевую песню. По предложению неумемного Викторова наша группа выбрала для себя задорный текст «Зеленою весной». Наши офицеры, посмеявшись, песню утвердили, однако случился маленький скандал, когда начальник курса услышал ее в нашем исполнении при прохождении торжественным маршем по плацу перед трибуной.

Полковника смутили такие слова:

Маруся молчит и слезы льет,

От грусти болит душа ее,

Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси

Капают слезы на копьё...

– Что за текст такой, не слишком ли фривольно, что за Марусины слезы? – недовольно сказал он.

Ему начали объяснять, что это музыкальное произведение из известного фильма Леонида Гайдая, и что оно отлично подходит на роль строевой песни, в фильме, кстати, ее по-

ют марширующие опричники царя Ивана Грозного. В конце концов, здравый смысл возобладал, и он разрешил нам петь эту песню. Так мы ее и пели, с каждым годом все реже и реже, а на четвертом курсе и вовсе забыли.

А сейчас с трудом разлепляя глаза, сонные, мы стояли на плацу, стрелки на часах у казармы показывали два часа ночи, а сержант Стрижевитов, похлопывая ивовым прутиком по голенищу сапога, прохаживался перед нашей «коробкой» и насмешливо смотрел нам в лица своими холодными голубыми глазами. Его взгляд казался стальным, и мало, кто мог его выдержать, даже Викторов отвел глаза, безуспешно попытавшись сыграть с сержантом «в гляделки».

– Сегодня вы на себе узнаете главный армейский принцип, согласно которому нарушение приказа одним бойцом – головная боль для всех. Викторов, выйти из строя!

– А кто он такой, чтобы командовать? – взвившись, сказал Андрей. – У нас командир взвода – Володя Касатонов!

– Викторов! – строго сказал Касатонов. – С моего ведома взводом командует сержант Стрижевитов. Если я позволю, то ты тоже сможешь командовать, ничего противозаконного нет, устав позволяет.

– Так бы сразу и сказали, чего голову морочите, – пожав плечами, сказал Викторов и болтающейся походкой, словно мим ярмарочного балагана перед публикой, отделился от строя.

Стрижевитов коротко окатил его недовольным взглядом,

а затем вновь устался на нас.

– После отбоя всем положено спать. Викторов бодрствует, разговаривает, мешает спать другим. Курить в казарме запрещено, кругом старая сухая древесина, вы все можете сгореть, однако Викторов курит в нарушение всех запретов.

– Я окно открываю, и окурки тщательно гашу!

– Викторов, – снова строго сказал Касатонов, – за пререкания со старшим по званию наряд вне очереди!

– Я все равно буду курить.

– Два наряда! Что следует ответить согласно уставу?

– Есть два наряда, только я все равно буду...

– Три наряда!

– Есть три наряда, только я все равно...

– Вот так из-за одного бойца страдает весь взвод, – с неожиданным сочувствием к нам в голосе перебил его Стрижевитов. – В колонну по одному к уборной марш!

Мы перестроились в колонну по одному, подбежали к нашему туалету, и по приказу Стрижевитова стали группами в несколько человек забегать в нужник, после чего возвращались в строй. Такого опыта у нас еще не было. Справлять нужду по команде и в колонне по одному...

Глава шестая

После этого наша «коробка» побежала в чистое поле. Касатонов и Стрижевитов бежали сбоку, подгоняя отстающих. Никто ничего не мог понять. Куда бежим, зачем?

Кросс длился, наверное, полчаса, и некоторые стали выбиваться из сил. Стрижевитов, наконец, остановил нас, снова вызвал из строя Викторова и подал ему окурок.

– Сегодня вам повезло. В армии для того, чтобы похоронить запретный окурок, вам бы пришлось рыть яму два, два на полтора. Сегодня я добрый, так что Викторов просто закопает окурок сам. Рядовой милиции Викторов, берите палку и закапывайте окурок!

– Я не буду! Издеваетесь, товарищ сержант?

Воцарилась тягостная пауза. Стрижевитов насмешливо ел Викторова своим неподражаемым оловянным взглядом.

– Что ж, подождем, пока Викторов соизволит.

– Андрей, да хватит тебе выкаблучиваться, – раздался из глубины строя чей-то возмущенный голос. – Спать хочется!

Викторов вырвал окурок из руки Стрижевитова и раздраженно затоптал его в землю.

– Все?

– Встаньте в строй!

– Есть, товарищ сержант! – язвительно сказал Андрей.

– Теперь вы поняли, что такое система? – похлопывая

прутиком по голенищу, невозмутимо сказал Стрижевитов. – Может каждый из вас по отдельности ее сломать? Вы можете возмущаться, ругаться, не выполнять приказы, грубить командиру, однако ни к чему хорошему это не приведет, будет только хуже. Вывод?

– Товарищ сержант, – взмолился хор голосов, – все понятно!

Обратно мы не бежали, а летели как на крыльях, однако, те, кто думал, что на этом все закончилось, крупно ошибался. Когда мы снова оказались на плацу, Стрижевитов скомандовал «Отбой!», мы кинулись в казарму, на ходу стягивая с себя рубашки, но сержанту не понравилось, как мы легли в койки.

– Медленно, очень медленно, а портянки и бриджи валяются, где попало. Подъем!

Мы с недовольным бурчанием нехотя стали подниматься и одеваться.

– Разговорчики!.. Отбой...

Мы со стоном снова повалились в койки.

– Медленно, и слишком много разговоров. Сделаете, как положено по уставу, – будете спать. Подъем, строиться в коридоре!

Стиснув зубы от ненависти, мы соскочили с коек и, одеваясь на ходу, выстроились в коридоре. Стрижевитов вынул спичку из коробка.

– Пока горит спичка, время есть. Спичка погасла, время

закончилось. Чиркаю спичкой, время отбоя пошло!

Он помедлил секунду, как будто испытывая наше терпение, и, наконец, чиркнул спичкой. Мы, сбрасывая с себя галстуки и рубашки, бросились в комнату к нашим двухъярусным койкам, однако двое не успели вовремя раздеться и лечь под одеяло, кроме того, у многих форма была уложена неаккуратно, а портянки были криво обмотаны вокруг голенищ для просушки.

Видимо, нет смысла описывать, сколько все это продолжалось, а продолжалось это до тех пор, пока Стрижевитов не добился своего, – мы стали проводить подъем и отбой образцово, и все, как один, лежали под одеялами, когда гасла спичка.

– Направо! – скомандовал Стрижевитов.

Мы не поняли.

– Снова хотите подъем?

– Мы же лежим, а не стоим, – простонал Виктор.

– Отставить разговоры! По команде «Направо!» все поворачиваемся на правый бок. Направо!

Пришлось, скрипя зубами, подчиниться. Мы послушно повернулись в постели на правый бок. Стрижевитов нас всех просто бесил! Помимо этого, он явно упивался властью, и от этого на душе становилось еще хуже.

Когда сержант выключил свет и вышел из комнаты, тихонько притворив за собой дверь, Виктор попытался обсудить происшедшее.

– Вот гад!.. Что творит, а вы чего, парни? Нельзя поддаваться!..

Дверь резко распахнулась.

– Подъем!

Стрижевитов подслушивал!.. Все повторилось сначала, – подъем за сорок пять секунд, построение в коридоре и отбой. Мы все стали плохо соображать, что происходит, и делали все машинально, на автомате.

В конце концов, истязание закончилось. Сержант погасил свет, вышел из комнаты и плотно притворил за собой дверь.

– Я знаю, кто на меня наступал, – опять подал голос Виктор. – Ох, плохо ему будет!..

– Да хватит тебе, Филин, выеживаться! Все равно ты никому ничего не докажешь. Спи!

Филином Викторова прозвали практически сразу после поступления за его впечатляющие густые брови вразлет. Они выглядели довольно забавно, в особенности, когда он, изображая деланное изумление, хлопал своими длинными, как у девушки, пушистыми ресницами.

Ноги гудели после продолжительной пробежки, тело ныло так, словно его избили. Мысли бестолково вертелись в голове и неловко натыкались друг на друга, словно усталые овцы в тесном загоне. Я почти мгновенно уснул, как будто провалился в глубокий черный колодец, даже не предполагая, что это ночное происшествие станет ключом к разгадке тайны пропажи моих часов.

Утром следующего дня до построения на завтрак Касатов приказал Викторову забить гвоздями угловое окно нашей комнаты, которое Андрей открывал по ночам, чтобы курить. Именно это окно было плохо видно из сержантской комнаты и комнаты офицеров, До этого Андрей успешно использовал это обстоятельство, а теперь его лишали привычного удовольствия.

Бормоча ругательства, он взял в руки внушительный гвоздь и молоток. Меня вдруг осенило.

– Погоди, Андрей, – сказал я.

– Чего ты?

Я открыл створку и внимательно осмотрел нижнюю часть оконной коробки между рамами. Она была чистой. Тогда я высунулся из окна и попытался осмотреть его снаружи. Почти две недели дождей практически не было, и железный слив был слегка покрыт пылью, которую теплый июльский ветер принес с лужайки.

Вдруг в углу я заметил небольшой плоский твердый кусок луговой грязи, на котором остались характерные следы, они засохли и четко прорисовывались. У меня мурашки побежали по спине. Кажется, все-таки кто-то залазил в наше окно. Кто это мог быть, – Викторов со своим неумным стремлением к свободе или...

– Строиться на завтрак! – донесся грозный бас старшины из коридора.

– Андрей, скажи, давно ты здесь лазил?

– А тебе зачем?

– Послушай, ты можешь хоть раз сказать нормально, без клоунских ужимок?

– Нет.

Викторов скорчил еще более забавную гримасу, однако мне было не до смеха.

– Да пошел ты!

– погоди, Валера. Что случилось?

– Пока рано говорить. Когда выяснится, обязательно скажу. Подожди, стой, не забивай окно!

Андрей замер с гвоздем в одной руке и поднятым молотком в другой, не понимая, чего от него хотят. В этот момент в комнату вошел Касатонов.

– Виктор, долго будешь возиться? Тобольцев, а тебе особое приглашение требуется? Марш!

– Есть!

Я выхватил из тумбочки носовой платок, тот самый, в который две недели назад завернул часы, выскочил из казармы, но вместо того, чтобы бежать на плац, завернул за угол и подбежал к окну снаружи. Виктор стучал молотком, забивая окно, а Касатонов стоял сзади и подсказывал.

– Да по гвоздю бей, а не по раме!

Викторов, как всегда, огрызался, как мог.

– Да ладно, товарищ сержант, сойдет и так, эти рамы давно менять пора!

Я аккуратно смахнул засохший кусочек грязи с края сли-

ва в свой носовой платок. Сквозь оконное стекло Касатонов и Викторов, расширив глаза, с недоумением наблюдали за моими манипуляциями. Они, наверное, подумали, что у меня что-то с головой. Мило улыбнувшись им, я помчался на плац, где, застыв, уже выстроились коробки взводов.

Вечером в курилке, пока ребята, сидя на сбитых квадратом лавках, хохотали над каким-то анекдотом, я украдкой развернул носовой платок, якобы для того, чтобы вытереть испарину со лба, а сам тайком стал рассматривать мой драгоценный кусочек засохшей грязи. Судя по характерному следу, этот кусочек, как видно, отделился от кроссовки с запоминающимся и редким рисунком, – цветком с девятью лепестками и точкой посередине.

Чья обувь могла оставить такой след? Викторов, как я давно заметил, носил кеды, а не кроссовки, и на подошвах у него красовались вовсе не цветочки, а рубчики в виде «елочки».

В этот момент Пчелинцев, он сидел как раз напротив меня с незажженной сигаретой в зубах, и гоготал, как огромный молодой гусь, слушая очередную байку, которой кормил всех неугомонный Викторов (как у него на все хватало энергии?), вытянул в мою сторону свою огромную ступню и полез в наружный карман спортивных штанов за зажигалкой. Он недавно заступил в наряд, убирался в казарме и на нем были спортивный костюм и кроссовки. Краем глаза я успел поймать рисунок его подошвы, прежде чем он снова подтянул ногу к себе.

Ромбики!.. Подошва кроссовок Пчелинцева была изрезана ромбиками, а не цветками. Получается, что в окно Пчелинцев не залазил, и Викторов тоже. В таком случае кто забирался на оконный слив? Неужели кто-то просто в порыве шалости вскочил на него, или хотел всего лишь заглянуть в окно, или, может быть, окна мыли, и кто-то залазил для этой цели? Мысли путались, и в тот вечер я ничего не надумал.

Ночью я не мог уснуть, ворочался с боку на бок, вызывая нешуточное раздражение спавшего надо мной на верхнем ярусе Игорька Кабанова, поскольку когда кто-то из двоих ворочался в своей постели, ходуном ходила вся кровать, и думал о таинственном неизвестном. Внезапно меня осенило...

Проливной дождь прошел накануне того дня, когда меня отправили к Грыжуку, а на следующий день я ушел в наряд. Погода была облачной, и земля, в особенности на лужайке, не успела хорошо просохнуть, поэтому неизвестный, ступив случайно в грязь, оставил след, когда залазил в окно, и сделал он это, скорее всего, не ночью, а утром, когда все ушли на экзамен. Выходит, что ему сдавать экзамен было не нужно.

После подъема и зарядки, не откладывая дело в долгий ящик, я зашел к Рыкову. Шло построение на завтрак, он спешно просматривал какой-то документ, видимо, желая довести его содержание до личного состава нашего дивизиона, и ему было явно не до меня.

Глава седьмая

– А, Тобольцев! Пока ничего обнадеживающего не могу сообщить, иди в строй.

– Товарищ капитан, я знаю, кто украл мои часы.

Он оторвал свои рачьи глаза от служебных бумаг и уставился ими на меня так, словно увидел впервые в жизни.

– Зайдешь после завтрака, а сейчас в строй!

Я не двинулся с места, намереваясь немедленно все рассказать, однако в этот момент в каморку заглянул старшина, и мне пришлось выйти. Весь день, как всегда, царила одна сплошная суета, и Рыкову опять было не до меня.

Настроение было хуже некуда, однако после ужина он сам пригласил меня к себе.

– Рассказывай, только быстро. Если опять одни лишь подозрения, то лучше оставь их при себе.

– Нет, товарищ капитан, в этот раз будет повесть о том, как произошла кража в нашем милицейском лагере, в частности, тайное похищение часов у слушателя школы милиции Тобольцева, который в тот момент был еще абитуриентом.

Рыков искоса окинул меня насмешливым взглядом.

– Красиво глаголешь, и как же, интересно, она произошла?

Я развернул платок, продемонстрировал найденную улику и коротко поделился своим открытием. Выпуклые глаза

Рыкова выпучились еще больше.

– Ты даешь, Тобольцев! Не ожидал. Светлая, как видно, у тебя голова. Все по полочкам разложил. Похоже, что это действительно он. Так, хорошо, и что нам теперь делать?

– Не знаю.

– Следует, наверное, вызвать его сюда. Пока мы будем с ним беседовать, сержанты осмотрят его вещи. Если обнаружат часы, пусть оставят их на прежнем месте. Мы приведем нашего человечка к его вещам, и в присутствии свидетелей он выдаст украденные часы.

– Выдаст?

– Выдаст, никуда не денется. Посиди пока здесь, я сейчас сюда с ним приду.

Рыков вышел и вернулся минут через пять, вместе с ним в каморку, в самом деле, вошел слегка обескураженный Стариков, на этот раз в другом, еще более крутом спортивном костюме, однако шикарные кроссовки на ногах были все те же.

Он метнул в меня настороженный взгляд, но в следующий миг улыбнулся.

– Привет!

Я хмуро промолчал, и он сразу помрачнел. Рыков усадил его на лавку по другую сторону стола и с натянутой улыбкой посмотрел на меня.

– Вот, Тобольцев хочет что-то нам рассказать.

Стариков непринужденно вытянул в мою сторону одну

ногу и надменно обхватил локти руками.

– Пусть рассказывает, только коротко, времени нет.

Я начал говорить медленно и с выражением, словно диктор по радио, вещающий малышам сказку на ночь. По ходу моего рассказа толстая влажная губа Старикова потихоньку стала оттопыриваться все больше и больше.

– Жил-был спортсмен-дзюдоист, внешне у него все было нормально, он выступал на соревнованиях, валил как мешки с картошкой своих соперников, получал призы и титулы, а червоточинку, которая все больше и больше разрасталась в его душе, кажется, мало кто замечал. Детская тяга к часам постепенно стала перерастать в манию. Если он видел у кого-нибудь на руке редкие часы, то буквально не находил себе места, – хотел точно такие же, и все тут. Тренер посоветовал ему поступать в школу милиции, учеба будет проходить гладко, поскольку он не на офицера милиции учиться будет, а защищать честь школы и Шатской области на всесоюзных соревнованиях по дзюдо. После окончания ему светит теплая должность инструктора в каком-нибудь подразделении, а спортивная карьера продолжится. Блестящая, можно сказать, перспектива! Он, конечно, согласился и благодаря протекции сдал два экзамена «по эксперименту», оценки ему, естественно, нарисовали по блату, и теперь он мог загорать и продолжать заниматься дзюдо под бдительной опекой Грыжука. Вскоре, однако, руководство школы поручило Грыжуку срочно оборудовать класс для учебных занятий по огне-

вой подготовке на свежем воздухе, и там он увидел новенькие часы на руке одного из абитуриентов по фамилии Тобольцев, над которым едко посмеивался Грыжук. Страсть к часам, оказывается, никуда не исчезла. Грыжук, как нарочно, посоветовал Тобольцеву не носить часы на хозяйственные работы, и на следующий день Тобольцев, в самом деле, пришел без часов, а вечером ему, как было известно нашему герою, надлежало заступать в наряд. Грыжук отпустил Тобольцева пораньше, чтобы он смог отдохнуть перед ночным дежурством. Помимо этого, наш любитель чужих часов знал, в какой комнате живет Тобольцев, и был осведомлен о том, что одно из окон в этой комнате можно открыть снаружи при помощи штыря, который был спрятан в траве. Так делал живший в этой комнате тогда еще абитуриент, а ныне слушатель Викторов, и нашему уважаемому вору об этом было известно, – случайно подсмотрел. Когда Викторову надо было срочно сходить за сигаретами, лежавшими в тумбочке, он залазил в окно, потому что днем в казарму поодиночке без особого распоряжения офицеров заходить нельзя...

– Что за детский сад? – насупившись, глухо сказал Стариков, сжал свои крепкие кулаки и резко поднялся. – Товарищ капитан, пожалуйста, избавьте меня от этого бреда, у меня по плану вечерняя пробежка, а завтра мы уезжаем в Новосибирск на соревнования. Разрешите идти?

Рыков бросил на меня недовольный взгляд, в котором читалось одно: «Таковыми разговорами, мистер Шерлок Холмс,

ты никого не расколешь!»), однако в этот момент в каморку заглянул взъерошенный сержант Стрижевитов, что было совершенно не похоже на него. Он поймал взгляд Рыкова, кивнул ему и исчез.

Рыков включил верхний свет и, повернувшись к Старикову, вдруг мило улыбнулся.

– Погоди, чайку выпей.

– Не могу, у меня режим, следует соблюдать водный баланс и перед соревнованиями держать вес.

– Сейчас Роман Викторович подойдет.

– Зачем?

– Не забегай вперед.

Темные глаза Старикова, до этого горевшие нетерпеливым презрением, странно потускнели. Он сел, снова обхватил локти руками, но теперь его надменность вмиг испарилась, Стариков нахохлился и вдруг вновь, на этот раз с явным вызовом вытянул одну ногу в мою сторону.

– Чудной он у вас, товарищ капитан, наверное, не выспался!..

Я долго крепился, но в тот момент не выдержал.

– Ах, не выспался? – Одним ловким движением, до сих пор удивляюсь, как у меня так получилось, я сорвал кроссовку с вытянутой ноги Старикова и треснул ею его по лбу. – А это что, наглая твоя рожа?!.. Сюда смотри!

Я сунул ему под нос подошву с характерным рисунком, однако в ответ он сделал мне убийственную подсечку. Я по-

шел юзом, отлетел к выходу и, наверное, ударился бы темением о дверной косяк, если бы в этот самый миг в каморку не вошел Грыжук. Вместо косяка я врезался в его упитанный животик, он оказался удивительно мягким и теплым как парное тесто.

Грыжук даже не охнул, хотя удар оказался очень сильным, а голова у меня массивная и большая. Я грохнулся на пол, однако Роман Викторович без труда, как небольшой, но мощный домкрат, поднял меня на ноги, хотя я весил немало и был на две головы выше его ростом.

– В чем дело, Тобольцев? – сказал он.

– Так, побеседовали немного... с вашим учеником.

Стариков рвался ко мне, но Рыков усадил его на лавку.

– Не нервничай!

– А чего он на людей кидается?

– Вот, – Рыков подобрал с пола кроссовку и подал ее Грыжуку.

Тот фальшиво захихикал.

– Предлагаешь понюхать?

– Это тоже, кстати, не помешает. Рисунок видишь?

– Вижу. Красивые цветочки. Эх, чехи, умеют делать обувь...

– А теперь сюда смотри. – Рыков развернул на столе мой носовой платок, и в свете настольной лампы блеснули те же самые цветочки, только на этот раз на куске засохшей грязи.

– Что из этого следует? – с беззаботной улыбкой спросил

Грыжук.

– Этот кусок грязи мы обнаружили на оконном сливе казармы. Твой подопечный лазит по окнам, а после этого из тумбочек пропадают часы.

Грыжук, приподняв свои белесые брови, пытливо взглянул на Старикова.

– Чушь полная! – глухо сказал тот.

Грыжук по-отцовски положил свою пухлую руку на его крутое плечо.

– Жора, покажи им свои вещи, и пусть они от тебя отстанут со своими кусками грязи в носу.

– С какой стати?

– Жора, слушай, что тебе говорят!

Стариков, наверное, минуту сидел неподвижно, уставившись в глаза Грыжука. Не знаю, что он в них прочитал, однако в следующую минуту мы все в сопровождении старшины Звагинцева и сержанта Стрижевитова двинулись в отдельно стоящее дощатое здание, где жили преподаватели кафедры боевой подготовки и спортсмены сборной команды.

Когда мы вошли в комнату Старикова, он деловито разложил перед нами на одной из коек свои вещи.

– Смотрите!

Никаких часов среди вещей не было.

– Убедились? Что дальше? Кого вы слушаете?

– Дипломат открой, – сказал Стрижевитов.

Стариков нехотя открыл крышку импортного дипломата.

– Чего застыл? Показывай все отделения, открывай кармашки!

– Нет, сами смотрите, а я ничего не буду открывать! Натуральный беспредел...

Грыжук небрежно отпихнул своего строптивного питомца в сторону.

– Жора, так твою!.. Давай-ка ускорим процесс.

Роман Викторович перевернул дипломат и вытряхнул на койку все его содержимое. Когда все вывалилось наружу, и Грыжук хотел отбросить кейс в сторону, именно в этот миг, как нарочно, как будто для того, чтобы все заметили, из одного из внутренних кармашков вывалились часы без ремешка и с глухим шлепком упали на книгу какого-то автора, фамилию я не запомнил, со звучным названием «Философия дзюдо».

– Мои часы! – тихо выдохнул я.

Все замерли, уставившись на Старикова. Его щеки налились пунцовым румянцем, а большие чуть раскосые глаза превратились в узкие неприятные щелочки.

– Мне их подбросили! – сжав крепкие кулаки, надсадно крикнул он и с ненавистью воззрился на меня, как будто решил испепелить взглядом. – Слушайте больше этого болвана...

Глава восьмая

Стариков оказался прав. Часы мне вернули, а скандал раздувать не стали. Догадаться, как Грыжук уговорил Рыкова, было несложно, да его и не надо было уговаривать. Рыков сам прекрасно понимал, что талантливые дзюдоисты школе нужны как воздух, а Стариков был очень талантливым дзюдоистом. Утром следующего дня он вместе с Грыжуком убыл на соревнования, и больше я его не видел. Насколько знаю, школу милиции он окончил, особо не напрягаясь.

А вскоре Рыков предложил мне стать командиром отделения с присвоением звания младшего сержанта. Я был не уверен в том, что смогу быть настоящим командиром, а планку я ставил высокую, поэтому отказался, хотя Рыков долго уговаривал. Наверное, следовало все-таки согласиться, однако демон Грыжука маячил перед глазами: «Да откуда ты такой взялся, Тобольцев, в какой лаборатории Папы Карло тебя выстругали?»

Какое-то подспудное разочарование поселилось у меня в сердце, я ожидал совсем другого от обучения, и холод формализма и бездушия, несмотря на бравурные внешние атрибуты, невозможно было скрыть. Грыжук – типичный винтик этой двуличной системы, и от того, что я вдруг кожей почувствовал ее, мне с самого начала стало не по себе, и где-то глубоко внутри я понял, что не хочу быть генералом, хотя

надежда на то, что, может быть, это ошибочное впечатление, конечно, еще теплилась долгие годы.

А командиром нашего отделения стал Саша Ти. Хорошим, кстати, младшим сержантом оказался.

Месячный курс молодого бойца прошел как один день, мы учили уставы, маршировали по плацу, ночью нас неоднократно поднимали по тревоге, проводилась перекличка, после чего офицеры командовали отбой, и мы сломя голову неслись к своим койкам, либо устраивался километровой кросс. О том, что за нарушение дисциплины нас могли поднять по тревоге и устроить кросс в воспитательных целях, я упоминал выше. Сержантам было совершенно неважно, кто в учебной группе допустил нарушение, – по тревоге поднималась вся группа.

Строгий режим и свежий воздух сделали свое дело, я почувствовал себя гораздо лучше, однако инцидент с кражей часов не выходил из головы, и от этого портилось настроение. К тому же мучил вопрос, – методы сержантов в самом деле идут на пользу или все-таки ломают личность? В короткие минуты досуга мы у себя в комнате или в курилке с ребятами из других групп часто обсуждали этот вопрос, спорили до хрипоты и наиболее активные неизменно склонялись к мысли, что муштра, рано или поздно, выбивает интеллект.

– Вы должны испытать трудности, это пригодится в жизни, – почти каждый день басил нам Звагинцев.

Первой трудностью оказались сапоги, и дело даже не в

том, что многие не умели обматывать портянки и сбили себе ноги до кровавых мозолей. Нам выдали сапоги, которые до нас два года носили старшекурсники, и не только их – вообще все обмундирование, так я его называю, хотя в действительности вряд ли можно назвать таковым растоптанные сапоги, ношенные бриджи и застиранную милицейскую рубаху с галстуком, но без погон. Нам объяснили, что мы еще не приняли присягу, поэтому настоящее обмундирование будет выдано в октябре по прибытии на зимние квартиры в Шатск.

Такое объяснение поначалу казалось вполне логичным, однако не прошло недели, как несколько человек попали в санчасть из-за кровавых мозолей. Один из этих бедных парней до третьего курса ходил с палочкой и был освобожден от физической подготовки, – в те первые недели нашей учебы от сапога с чужой ноги у него воспалилась надкостница.

Я был из тех, кто свято верил, что все делается правильно, что система не может быть бездушной, она воспитывает настоящих бойцов, а то, что происходило на самом деле, мое сознание списывало на субъективный фактор. Сам я из кучи поношенных сапог, которые нам выгрузили, так и не смог подобрать себе подходящие по размеру. Обувь, которая была связана по парам, расхватали сразу, а я стеснялся выхватывать приглянувшиеся сапоги прямо из-под носа своих товарищей, это было нехорошо, ненормально и стыдно. В итоге скоро остались сапоги, которые не были связаны. Те ребята, кому пар не досталось, долго бродили по этой куче, с трудом

находя что-то, в самом деле, стоящее.

В конце концов, мне подошли сапоги от разных пар, причем один сапог был яловым, – слушателям школы милиции выдавали яловые сапоги, – а второй оказался хромовым, такие сапоги получали лишь офицеры, и как он очутился в той куче, я не знаю. Вскоре Звагинцев сделал мне замечание, затем повел на склад, однако там ничего для меня не нашел. Мой сорок третий размер оказался самым ходовым. Все сапоги, которые мне давали мерить, либо жали безбожно, либо были слишком велики, и нога в них не сидела, а плясала, норовя в любой момент выскочить наружу.

– Что ж, Тобольцев, придется до октября потерпеть, ходи пока в разных сапогах, начальству я объясню ситуацию.

Подбор фуражки тоже оказался проблемой, на мою голову шестидесятого размера ни одна из фуражек, бывших на складе, не лезла. В конце концов, снабженец из какого-то загашника вытащил вполне приличную еще фуражку пятьдесят девятого размера, похожую на большую придавленную жабу, она села, наконец, мне на голову, до этого все фуражки, которые он мне давал мерить, съезжали с макушки.

– Потерпи, парень, до октября, а пока так!

Мы все ожидали, что хоть занятия по огневой подготовке будут интересными, однако каково же было общее разочарование, когда мы вместо стрельбы дни напролет конспектировали сухие характеристики пистолета Макарова. Мы знали назубок, какова длина его ствола, и сколько метров в секун-

ду пролетает пуля, когда из него вылетает, однако ни разу не видели этот пистолет в деле. Наконец, недели через две мы занялись изучением его деталей – рукояти со стволом, возвратной пружины, затвора и так далее.

– Товарищ майор, когда мы будем стрелять? – ныл Виктор на каждом занятии.

– Погодите, успеете еще, – со странным смешком отвечал поджарый бровастый преподаватель, который на кафедре огневой подготовки считался лучшим.

Через три недели нудной теории мы перешли к разборке и сборке пистолета на время, занимались этим все оставшиеся дни, и лишь в день окончания курса молодого бойца преподаватель провел, наконец, стрельбы, которые, как оказалось, были зачетными, – три патрона пробные, и три патрона на зачет. Стрельба засчитывалась, если слушатель попадал в грудную мишень с двадцати пяти метров, при этом было не важно куда попадал, главное, что попадал.

– Вот так огневая подготовка! – сетовал Виктор. – Нам ее умудрились преподавать практически без стрельбы.

С автоматом Калашникова тоже занимались, – учились правильно носить на плече и удерживать во время стрельбы лежа, стоя и сидя, только самой стрельбы не было. Вся эта бодяга тоже продолжалась целый месяц, и лишь в самом конце нас вывезли на стрельбище, где с расстояния ста метров мы сделали три пробных и три зачетных выстрела по грудной мишени.

– Не поразил, а обстрелял, – с усмешкой сказал преподаватель, обозначая мелом мои попадания.

Для зачета этого было достаточно. В мишени с кругами, по которым можно было высчитывать очки, мы стали стрелять только через год.

Кроме разочарования курс молодого бойца принес еще надежду, что это пока что начало, и дальше все будет намного интереснее. Так мы и жили от курса к курсу, – с мыслью, что дальше будет интереснее, однако действительность приносила монотонный распорядок дня, бездонное море информации, практическое значение которой постоянно оставалось под большим вопросом, и изнурительные наряды, которые шли нескончаемой чередой. А еще были кроссы, патрули, хозяйственные работы и, конечно, ежедневные бравурные речи командиров и преподавателей о нас, – будущих советских Шерлоках Холмсах.

Короче говоря, наша боевая подготовка была сжата в месяц, а следующий месяц мы вместо учебы убирали с полей лук. Было весело выхватывать собратьев Чиполлино за вихры, складывать в корзину и вдвоем тащить ее к кузову трактора. Тогда я еще больше сдружился с Сашей Ти, в отличие от многих он не ныл и не ерничал, а работал с энтузиазмом, как и я. Мы неизменно вставали к грядке парой, и работа у нас шла очень живо.

Уборка лука не обошлась, однако, без инцидента. Мало того, что случился такой ураган, что воздух буквально сви-

стел в ушах, и все вокруг погрузилось в пыль. Плюс к этому пострадал слушатель Вениамин Харитонов, его увезли на скорой помощи с разбитой головой.

Из того, что нам озвучили перед строем, следовало, что ураганный ветер выломал огромную трубу поливочной системы из муфты и покатил ее по полю. Эту трубу без проблем тащил трактор по луковым грядкам, поскольку она покоилась на огромных металлических колесах со спицами. Несмотря на то, что в качестве металла был использован легкий дюралюминий, впечатляющие по своим размерам колеса, а они были высотой в два человеческих роста, ударив с разгона, могли запросто покалечить.

Ураганный ветер сорвал кусок трубы, и он помчался по полю, описывая плавную дугу, поскольку тот конец, который сорвался с муфты, катился как раз на таком колесе. В черноте от пыли, которую поднял ужасающий смерч, ничего не было видно, и любой мог попасть под раздачу. Харитонову просто не повезло.

Я с содроганием подумал, что на его месте мог оказаться я. Когда начался ураган, мы с Сашей задержались, решив все-таки наполнить нашу корзину луком, а когда поняли, что надвигается не просто дождь, а нечто гораздо более грозное и опасное, было поздно.

Раскрыв рот, мы смотрели как под фиолетовым небом несется, кружась, самый настоящий смерч, такой в детстве я видел в мультфильме «Волшебник Изумрудного города».

Элли он унес в волшебную страну, а нас затащил в крупную неприятность.

Мы с Сашей потеряли направление. В наступившей темноте ветер нещадно бил в лицо и сбивал с ног. С трудом мы медленно брели по полю, такой силы был шквал, и совершенно случайно наткнулись на бочку с водой.

В советское время были распространены подобные металлические бочки на колесах, тяжелые, внушительные, из них дородные тетки в белых халатах, как будто их специально таких подбирали, продавали населению квас или пиво на разлив в бидоны или в имевшиеся стеклянные кружки, которая продавщица ополаскивала в мойке после каждого клиента.

Едва мы присели к бочке, прислонившись спинами к одному из ее колес, а это были колеса от грузового автомобиля ГАЗ-51, как страшный удар сотряс ее. Казалось, что великан с размаху ударил по нашей бочке кованой подошвой своего огромного ботинка.

Сверху раздался мерзкий скрежет металла по металлу, а затем в унисон ужасным порывам ветра «великан» принялся бить в нашу бочку так, что она стала опасно раскачиваться, готовая в любой момент опрокинуться на нас. Мы замерли от страха, не понимая в кромешной тьме, в чем дело.

В конце концов, бочка опрокинулась, и мы едва успели отскочить. Сквозь пыль проступила огромная труба, просунутая в центр не менее огромного колеса. Словно диковинное транспортное средство, труба, гонимая ветром, опроки-

нула бочку и стремительно покати́лась дальше по полю, едва не проехав колесом по нам. Именно от этой сорвавшейся с муфты трубы пострадал слушатель Харитонов.

Глава девятая

Прошло некоторое время, и вдруг дело приняло совершенно неожиданный поворот. Папой Харитоновой оказался высокопоставленный начальник в аппарате областного управления внутренних дел. Кто-то кому-то что-то сказал, и в одно прекрасное утро сержанты взяли нашего Андрея Викторовича под белые ручки и потащили к начальнику курса. Разгорелся нешуточный скандал.

Оказалось, что Харитонович шепнул отцу, что у него есть враг, который его люто ненавидит, это Андрей Викторович. Сержанты третируют Викторовича за курение в казарме по ночам, но откуда узнают? Викторович решил, что его еще со времен сдачи вступительных экзаменов выдавал Харитонович, и, воспользовавшись ураганом, выместил на нем зло.

Папа и сын долго думали, как могло такое произойти, и придумали. По их версии выходило, что после того, как начался ураган, Викторович ослабил болты на муфте поливочной системы гаечным ключом с таким расчетом, чтобы ураганный ветер, сорвав трубу с муфты, покалечил Харитоновича.

Викторович, в самом деле, неоднократно делился своими подозрениями в курилке. Поначалу он не мог понять, откуда сержанты знают, что он ночью курит в казарме. Угловое окно, у которого он постоянно пристраивался, выходит на лужайку, а дальше – лишь одна березовая роща. Пляц располо-

жен с другой стороны, там, конечно, мог пройти дежурный, но вряд ли кто-то будет бродить по ночной лужайке рядом с лесом лишь для того, чтобы поймать нарушителя-курильщика.

К тому же Викторов всегда вначале выглядывал из окна, осматривался и закуривал только тогда, когда убеждался, что на лужайке никого нет, при этом он предусмотрительно прятал огонек от зажженной сигареты в ладонь, как это, если судить по фильмам, делали солдаты на фронте. Сержанты никак не могли знать о том, что Викторов курит, если только не сидели каждую ночь в засаде в березовом лесу, наблюдая за нашими окнами, но в такое невозможно было поверить, – не идиоты же они, в самом деле. Им что, делать больше нечего?!

Тем не менее, на следующее утро Касатонов точно знал, курил Викторов ночью или нет, и если курил, то неизменно следовало наказание – наряд вне очереди. Все это крепко его злило, и он пошел на хитрость, – вставал ночью к окну и делал вид, что курит, а на самом деле сигарету не зажигал.

Результат следовал тот же самый – наряд вне очереди. Наш замечательный Викторов, с детства читавший романы Агаты Кристи, Эдгара По и сэра Артура Конан Дойла сделал вывод, что его сдает кто-то из обитателей комнаты. Он стал наблюдать, кто из ребят не спит, когда он курит у окна или якобы курит.

– В общем, парни, жук он еще тот, но я его вычислил. Все сопят, дышат, а он лежит, гад, и дыхание затаил, сквозь

припущенные ресницы за мной подсматривает.

– Кто?

– Харитонов! Я ему устрою...

Вот такой разговор состоялся в курилке. О нем многие знали, и, наверное, кто-то передал слова Викторова Харитонову, после чего он, конечно, пожаловался папе на Викторова, мол, это он намеренно его травмировал.

Все с недоумением вопрошали друг друга:

– Неужели Викторов способен на такую месть?

Мы склонялись к мысли, что сведение счетов таким способом было на него совершенно не похоже. Он устроил бы открытые разборки в присутствии ребят, такие вещи он очень любил, а тайком подводить кого-то под цугундер, тюремный или больничный, – нет, это было явно не его амплуа!

Однако чужая душа – потемки, мало ли что человека клюнуло в темечко в один интересный момент, и вот он сделал то, что сделал, рассчитывая, что его знают лишь с одной стороны, и дело останется нераскрытым. Вот на этом все и сошлись.

Когда Викторов вернулся после разбирательства, все забросали его вопросами, однако и без всяких расспросов было понятно, что дело плохо. Андрей был очень расстроен.

– Не делал я этого, верите, парни?

– Верим, конечно, но тогда кто?

– А я откуда знаю? Эх, меньше языком болтать надо было! Язык мой – враг мой, доигрался, в общем. Это же надо было

такое придумать!.. Да разве я так ему отомстил бы? Надавал бы в морду и все дела. Зачем мне было болты крутить? Да и где взять гаечный ключ? Пальцами болты не отвинтишь. В общем, кранты мне, парни. Завтра за мной приезжает машина, повезут в город к начальнику школы. Если просто исключат, считайте, что счастливо отделался, потому как папаша Харитонова настаивает на возбуждении уголовного дела.

– Ты же ни в чем не виноват! – не выдержав, сказал я.

– Да ты что, Тобольцев, маленький, что ли? Кто будет разбираться? Нашли крайнего, вот и вся история.

Мне стало жалко его. Он беззлобно чинил мне мелкие пакости, постоянно подкалывал, живя по принципу, что, мол, так веселее, однако в целом был парень неплохой, компанейский и в трудную минуту всегда поддерживал, этого у него было не отнять.

Нас снова повезли на уборку лука. Погода была отличная, сияло синее небо и светило ласковое сентябрьское солнце.

Мы опять работали в паре с Сашей Ти. Работать с ним было одно удовольствие, уборка шла споро, с огоньком, нас хвалили командиры, а я не переставал думать об этом странном деле. Неужели Викторов в самом деле ранил Харитонова?

Во время обеденного перерыва, когда приехала полевая кухня, я наскоро побросал в желудок содержимое котелка и пошел по колее трактора, в кузов которого мы выгружали из корзин лук. Пройдя шагов двести, я по следам заметил то

место, где нас застал ураган. В пятидесяти шагах слева от него все еще светлела опрокинутая бочка на колесах, а справа в ста шагах от нее в ярких солнечных лучах серебрилась нитка поливочной системы. В том месте, где была соединительная муфта, оборванная секция грустно чернела пустым зрачком.

Перешагивая через убранные луковые грядки, я подошел к этому чертову колесу и стал его рассматривать. Вот точно такая махина, сорвавшись с муфты, едва не задавила нас с Сашей!

Восемь отверстий муфты, предназначенные для болтов, были пусты. Я нагнулся и стал внимательно осматривать пыльную землю. Два болта, покрытых свежей черной краской, видимо для того, чтобы предотвратить ржавление, я нашел сразу, остальные никак не находились, а потом я вдруг нашел нечто еще более интересное.

В пыли валялся гаечный ключ четырнадцать на шестнадцать, обыкновенный ключ, только губки его хранили частички синей и белой краски. Как я ни вглядывался, ни вертел его в руках так, чтобы свет падал на внутренности губок, никаких следов черной краски я так и не отыскал.

Я засунул ключ в бриджи и двинулся по полю вдоль нитки, вначале в одну сторону от обрыва секции, затем в другую. Меня интересовали болты, которыми были соединены секции. Все они были диаметром шестнадцать миллиметров, и все были покрыты либо белой, либо синей краской. Ни од-

ного болта, покрытого черной краской, я не нашел, как ни старался. Выходит, что болты, окрашенные в черный цвет, использовались при соединении только одной этой секции, видимо, совсем недавно ее поменяли на новую, вот и использовали другие болты, и именно эту новую секцию сорвало ураганом. Почему?..

Я взволнованно нащупал ключ в кармане. Кажется, этот обыкновенный с виду гаечный ключ – ценная улика!..

В этот самый момент я заметил Касатонова. Он направлялся ко мне и, энергично жестикулируя, звал к себе.

– Тобольцев, я тебя обыскался, – строго сказал он, когда я, запыхавшись, подбежал к нему. – Срочно уезжаем в лагерь!

– А лук?

– Руководство школы дало срочное задание, – следует немедленно очистить от хлама одно из складских строений под новый лагерный учебный корпус.

В тот день мое хождение по следам закончилось, а на следующий день мы снова поехали в поле, и когда наступил обеденный перерыв, я решил продолжить свое импровизированное расследование. Викторова еще не увезли в город, начальник школы был занят чем-то срочным, ему было не до него, поэтому Андрея вместо уборки лука в ожидании приказа из Шатска захомутали во внеочередной наряд по столовой.

Я пошел по полю. В этот раз бочка уже не лежала на боку, а стояла на колесах, и сорванная ураганом секция была воз-

вращена на место. У муфты, подставив легкую металлическую лестницу, копошился румяный, кровь с молоком, разбитной парень. Он, чертыхался и, держа погасшую папиросу во рту, красил болты соединения в белый цвет.

Внизу на земле на куске брезента лежал раскрытый набор гаечных ключей, однако я сразу заметил, что ключ четырнадцать на шестнадцать отсутствует. Кармашек для него был пуст.

– У вас ключа четырнадцать на шестнадцать не хватает.

Он покосился на меня через плечо, и я увидел красный глаз, опухший то ли от недосыпания, то ли с похмелья.

– Я его потерял, браток.

– Во время урагана?

– Ага.

– Вы болты поливочной системы подтягивали?

– Подтягивал, да ураган помешал.

– И болты этой секции тоже подтягивали?

– Да.

Я внутренне напрягся. В тот день именно эта секция была ближе всего к трактору, который принимал собранный лук.

Он снова покосился на меня, на этот раз подозрительно.

– А ты забыл чего?

– Я во время урагана потерял фотографию любимой девушки.

– Ух, ты! Как же ты так?.. Ох, уж эти девушки! Нет, не видел я никакой фотографии. Красивая?

– Не то слово.

Мне стало не по себе. Что же получается?

В тот день Викторов не таскал лук, а принимал его в кузове трактора, сдвигал и разравнивал, оттуда ему, конечно, было хорошо видно, кто где работал. Он заметил, как монтажник обронил ключ, а может быть незаметно взял его из чехла, воспользовавшись суматохой, которая началась в тот момент, когда так неожиданно поднялась буря.

Зная, где находится Харитонов, Викторов рассчитал, что трубчатая секция, сорвавшись, может задеть его, только не учел, что труба могла зацепиться за бочку с водой. Для воплощения плана требовалось всего лишь ослабить болты муфты. Лестницу монтажник, удирая от урагана, скорее всего, бросил неподалеку, так что сделать это было несложно, а поднимающаяся пыль скрыла действия Андрея от посторонних глаз.

Глава десятая

В таком случае получается, что болты были ослаблены Викторовым, и именно поэтому секция сорвалась, опрокинула бочку на колесах, едва не проехав по нам с Сашей, и ранила Харитонову. Выходит, что Виктор действительно виноват. В это было нелегко поверить, но факты упрямая вещь.

Я уныло побрел обратно.

– Эй, парень, стой! – Монтажник спрыгнул с лестницы и, закулив на ходу, пошел в мою сторону. – Ты, это, скажи, а правду говорят, что во время урагана эта секция, которую я на место ставлю, покалечила вашего парня?

– Правда.

– Ах, ураган проклятый! – жадно затянувшись, сказал он и протянул мне свою широкую как лопата ладонь. – Меня Василием зовут. Ты не расстраивайся, найду я твою фотографию. Ее наверняка пылью присыпало.

– Буду очень признателен. Завтра будете здесь?

– Да.

Такое внимание было приятно, хотя с трудом верилось, что он в самом деле выполнит свое обещание. Обеденный перерыв еще не закончился, и я подошел к трактористу, щуплому глазастому мужичку с коричневым лицом. Вместо обеда он пил чай из походного термоса и курил «Беломор».

– Чего тебе? За руль? Не дам! Иди, иди отсюда. Замордо-

вали, трактористы хреновы!

– Нет, не за руль.

– Да? А чего?..

Он смотрел на меня с явным подозрением. Как видно, что только ему ни говорили и чего только ни выдумывали мои товарищи, чтобы он разрешил им залезть в кабину и попробовать трактор в деле.

Я заговорил, стараясь оставаться предельно спокойным.

– В тот день, когда ураган случился, у вас в кузове работал наш парень, высокий крепенький такой, у него брови как у филина.

– А, помню его! Что-то его не видать теперь. Веселый паренек!

– Он заболел.

– Во как! Пусть выздоравливает.

– А когда ураган начался, вы что делали?

– Как что? Трактор в укрытие отогнал. Еле успел, между прочим.

– А он что делал?

– Кто?

– Филин.

– А, Филин ваш! Он, что он, он со мной не поехал, из кузова выпрыгнул, к своим, кажется, побежал. Буря началась, пыль поднялась, я точно не заметил, куда он побежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.